

Б. И. Мухачев

**БОРЦЫ
ЗА ВЛАСТЬ
СОВЕТОВ
НА КАМЧАТКЕ**

▲ 21.VII.23г.
● НИЖНЕКОЛЫМСК

СРЕДНЕКОЛЫМСК
26.VII.23г.
ВЕРХНЕКОЛЫМСК

18.III.23г. ОТРЯД К
КАМЕНСКОЕ

10.IV.23г.
ГИЖИГА

НАЯХАН
13.IV.23г. X

КОРД
23.III.23г.

IV.23г.

ОЛА X

13.III.23 X
ДРАНКА

УКА

ОТРЯД ЧУБАРОВА 1-IV-1923г.

ОТРЯД ЗЕНКОВА 1-IV-1923г.

ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ

УСЛОВНЫЕ ЗНАКИ

ШТАБЫ КРАСНОАРМ.
И ПАРТИЗАНСКИХ ОТР.

МЕСТА ДИСЛОКАЦИИ
БЕЛОГВАРДЕЙЦЕВ

МЕСТА СРАЖЕНИЙ И
СТОЛКНОВЕНИЙ
С БЕЛОГВАРДЕЙЦАМИ

ПАМЯТНИКИ БОРЦАМ
ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ

ЗАГРАДИТЕЛЬНЫЕ
ПАРТИЗАНСКИЕ ОТР.

Б. И. Мухачев

**БОРЦЫ
ЗА ВЛАСТЬ
СОВЕТОВ
НА КАМЧАТКЕ**

**Дальневосточное книжное издательство
Камчатское отделение
Петропавловск-Камчатский
1977**

ЗКП1-9
М92

О революционном прошлом Камчатки, героической борьбе за установление и упрочение Советской власти на полуострове, революционерах И. Е. Ларине, А. С. Якуме, А. С. Олейнике, Г. И. Чубарове и других эта книга.

Эта книга выходит в свет, когда весь советский народ, все прогрессивное человечество готовится торжественно отметить 60-летие Великой Октябрьской социалистической революции — главное событие XX века. 25 октября (7 ноября) 1917 г. орудийный выстрел с крейсера «Аврора» возвестил миру о начале новой эры в истории человечества. Первые ленинские декреты — о мире, о земле и другие определили ход революционных событий в стране, триумфальное шествие Советской власти.

2 ноября (15 ноября) 1917 г. Владимир Ильич Ленин подписал «Декларацию прав народов России», которая провозгласила свободное развитие и полное равноправие всех национальностей и этнических групп в России, ликвидировала национальный гнет. Перед малыми народами Северо-Востока открылась широкая дорога для политического, экономического и культурного развития. Но еще предстояла долгая борьба с внешней и внутренней контрреволюцией за установление и упрочение Советской власти. Эту борьбу возглавляли коммунисты.

Среди них — И. Е. Ларин, А. С. Олейник (Топорков), М. И. Савченко, М. П. Воловников, Н. В. Холодов, П. С. Маловечкин, П. И. Дудко, В. Д. Богомолов, А. М. Бычков, Г. Г. Рудых, Н. П. Фролов, П. Г. Ивашкин (Ларичев), М. П. Щербаков, А. Ф. Волокитин, Ф. Ф. Волокитин, О. А. Картакай, А. С. Якум, М. М. Свиридова, такие активные советские деятели, как В. М. Чекмарев, И. В. Рябиков, Г. М. Елизов, Ф. Л. Слободчиков, А. А. Курилов и многие, многие другие.

Борьбу за Советскую власть на Северо-Востоке приходилось организовывать в чрезвычайно сложной специфической обстановке: в условиях отсутствия промышленного пролетариата и первое время—

большевистских партийных организаций, преобладания среди населения малых народов, общественный строй которых был переходным к классовому; в условиях близкого соседства с империалистическими державами—США и Японией, вынашивавшими экспансионистские планы в отношении этой территории; в условиях крайней оторванности края от центральных районов страны и Дальнего Востока.

Создатель и вождь Коммунистической партии и Советского государства Владимир Ильич Ленин, несмотря на большую занятость, в тяжелых условиях гражданской войны и интервенции в стране находил время и для Камчатки, отметив большой удельный вес камчатской проблемы в международных отношениях на Дальнем Востоке. В. И. Ленин много сделал для того, чтобы помешать захвату Камчатки иностранными империалистами, чтобы здесь окончательно победила Советская власть.

Ленину в этой книге посвящается наш первый очерк.

Ленин и Северо-Восток

Мероприятия и высказывания Владимира Ильича Ленина, связанные с Камчатской областью, относятся главным образом ко второму этапу гражданской войны на Дальнем Востоке (1920—1922 гг.).

В годы гражданской войны Северо-Восток являлся объектом международных империалистических авантюр, прежде всего со стороны США и Японии. Первые известия о кровавых выступлениях японских интервентов в марте—апреле 1920 г. в Приморье, захвате ими Северного Сахалина, приходе японских военных судов в охотско-камчатские воды В. И. Ленин получил через Охотскую телеграфную станцию. Он отмечал, что Камчатка фактически уже находится в руках Японии, что это территория, «где у нас абсолютно нет и куда мы не можем дать ни морских, ни военных сил»¹. Положение это было, конечно, временное, вызванное тяжелой внутренней и международной обстановкой. Вождь Советского государства был озабочен тем, как сохранить северо-

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 95.

восточную территорию в составе нашей страны. Определенную роль в этом должно было сыграть создание на Дальнем Востоке буферного государства — Дальневосточной республики.

Первая директива ЦК РКП(б) и СНК о курсе на «буфер», полученная на Дальнем Востоке, была принята в Охотске 9 марта 1920 г. и тут же направлена в Петропавловск и Владивосток. «Отношение Москвы к временным образованиям на Востоке доброжелательное, — говорилось в телеграмме. — Примите это к руководству»². В следующей телеграмме председатель миссии по иностранным делам Сибревкома Я. Д. Янсон сообщил в Охотск, что «вопрос о буфере был решен в Москве Центральным Комитетом Рос. Компартии. Сообщение это мы получили за подписью Ленина»³.

За годы борьбы с интервентами у советских дипломатов накопился опыт использования в интересах РСФСР противоречий между империалистическими странами. Этому учил их Ленин. «Вот этой разницей империалистических интересов мы пользовались все время, — говорил он в речи на Московской губернской конференции РКП(б) 21 ноября 1920 г. — Если мы победили интервенцию, то только потому, что их собственные интересы их раскалывали, а нас спланивали и укрепляли»⁴.

Создавалась возможность использовать американо-японские противоречия на Дальнем Востоке, чтобы тем самым ослабить натиск империалистов на нашу территорию.

«Экономическое развитие этих стран, — говорил В. И. Ленин, — в течение нескольких десятилетий подготовило бездну горючего материала, делающего неизбежной отчаянную схватку этих держав за господство над Тихим океаном и его побережьем...»⁵.

Побережье Камчатской области занимало выгодное стратегическое положение. Империалисты США мечтали иметь здесь свои военные базы, что в случае войны с

---

² За власть Советов (Из истории борьбы за установление Советской власти в Камчатской области). Владивосток, 1967, с. 43.

³ Шерешевский Б. М. В. И. Ленин и политика Советского государства на Дальнем Востоке (1920—1922 гг.). — В кн.: В. И. Ленин и социалистические преобразования в Сибири. М., 1974, с. 149.

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 23.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 330.

Японией позволило бы им действовать более оперативно. В свою очередь, японские империалисты, понимая это, не могли допустить захвата камчатского побережья американцами.

В начале 1920 г. наметилось улучшение дипломатических отношений с Англией. Сильный послевоенный кризис все более напоминал английским капиталистам о существовании русского рынка, с помощью которого они могли бы поправить свои дела. По инициативе Советского правительства с января 1920 г. проводились подготовительные мероприятия к советско-английским торговым переговорам, которые начались в конце мая⁶.

Англия являлась союзником Японии. Заключение торгового договора затруднило бы оправдание и поддержку Англией японской интервенции на советском Дальнем Востоке.

Советско-английские переговоры встревожили некоторые круги американских капиталистов. Им стало ясно, что если они будут продолжать уклоняться от развития торговых отношений с Советской Россией, то рискуют потерять советский рынок.

Американский синдикат Вандерлипа решил перехватить инициативу у англичан. В Москву был срочно послан представитель синдиката Вашингтон Вандерлип.

В планы американцев входило развертывание на Камчатке поисков и добычи нефти, каменного угля, эксплуатация морских рыболовных участков, строительство в Авачинской бухте военно-морского порта⁷.

В сентябре 1920 г. Вандерлип прибыл в Москву. 18 сентября он направил на имя Совнаркома письмо, в котором подробно изложил суть предложений своего синдиката⁸. Экономические выгоды его предложений были несомненны, но главный эффект от подписания договора о концессиях был политический: это отвлекало от Советской России империалистические силы, затрудняло захват ими незащищенной Камчатской области, сталкивало американских и японских империалистов между собой. «Когда два вора дерутся, честные люди

---

⁶ См.: Майский И. М. Англо-советское торговое соглашение 1921 года. «Вопросы истории», 1957, № 5, с. 77.

⁷ См.: Документы внешней политики СССР, т. 3. М., 1959, с. 676—681.

⁸ См.: Документы внешней политики СССР, т. 3, с. 70—71.

выигрывают», — говорил по этому поводу В. И. Ленин⁹.

Ознакомившись с письмом Вандерлипа, Владимир Ильич сразу же сказал: «...тут надо уцепиться обеими руками»¹⁰.

В конце октября 1920 г. комиссия разработала проект договора. Советское правительство соглашалось предоставить американцам концессии на Камчатке сроком на 60 лет. Концессионная территория располагалась в шахматном порядке, чередуясь с территорией, не сданной в концессию. В течение года концессионер обязан был приступить к геологопоисковым работам совместно с представителями советских геологических учреждений. Ежегодно синдикат обязывался отчислять соответствующим советским учреждениям 2,5 процента всей вывозимой продукции полезных ископаемых и 5 процентов рыбных продуктов¹¹. США получали разрешение построить в Авачинской бухте военно-морскую базу.

Главным условием вступления в силу проекта договора являлось признание правительством США Советского правительства хотя бы де-факто.

Политический эффект от переговоров с Вандерлипом в зарубежных капиталистических кругах был велик. «Достаточно взять европейские сообщения, — говорил В. И. Ленин, — чтобы видеть то, что мы выиграли. Из Японии нет ни одного известия, которое не говорило бы о величайшем беспокойстве из-за ожидаемых концессий. Япония заявляет: «Мы не потерпим этого, это нарушает наши интересы». — Пожалуйста, победите Америку, мы против этого возражать не будем...»¹². «Одним словом, мы получили гигантское обострение вражды между Японией и Америкой и тем получили несомненное ослабление натиска Японии и Америки против нас»¹³.

Одновременно с переговорами о концессиях с Вандерлипом велись переговоры об учреждении им специального агентства по финансированию советских закупок в США. Советское правительство предложило список своих товаров, «готовых к немедленному экспорту в США», и собиралось сделать американским промышлен-

---

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 66.

¹⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 63.

¹¹ См.: Документы внешней политики СССР, т. 3, с. 664.

¹² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 64.

¹³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 99.

никам заказы на поставку товаров в Россию за 1921—1922 гг. на сумму в 1 миллиард долларов¹⁴.

Окрыленный успехом своей миссии, обещавшей синдикату большие прибыли, Вандерлип уехал в США агитировать правительство и капиталистов признать Советскую Россию. Иначе эти соглашения не вступили бы в силу.

«И вот в лице такой акулы империализма,—говорил В. И. Ленин,—мы получили пропагандиста торговых сношений с Советской Россией, и если бы мы даже, кроме предполагаемого договора о концессиях, ничего не получили, то и тогда можно сказать, что мы выиграли...»¹⁵.

В связи с миссией Вандерлипа Совнарком РСФСР договорился с правительством ДВР о том, что при составлении договора о границах между РСФСР и ДВР Камчатская область останется в составе Советской России.

Предварительно этот договор был подписан представителями правительств РСФСР и ДВР 15 декабря 1920 г. в Москве и 30 декабря в Чите. Учредительное собрание ДВР утвердило его 22 марта 1921 г.

В проекте договора о камчатских концессиях говорилось, что он вступает в силу, если нормальные отношения с США, хотя бы де-факто, будут установлены до 1 июля 1921 г.

Но правительство США отказалось поддерживать какие-либо отношения с Бюро представителя Советского правительства в США, которым руководил Л. К. Мартенс, а в декабре 1920 г. приняло решение о высылке его из США как нежелательного иностранца¹⁶.

Переговоры Советского правительства с американским синдикатом, несомненно, способствовали ускорению заключения торгового соглашения с Англией, подписанного в Лондоне 16 марта 1921 г. Одно из крупнейших капиталистических государств — организаторов военных походов против Советской России оказалось вынужденным признать ее де-факто, установив с ней определенные политические и торговые отношения. Это имело большое международное значение. Вскоре последо-

¹⁴ См.: Документы внешней политики СССР, т. 3, с. 672—673.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 97.

¹⁶ См.: Документы внешней политики СССР, т. 2, с. 738.

вал ряд торговых соглашений — с Германией, Италией, Швецией, Австрией и другими странами.

20 марта сессия ВЦИК утвердила Обращение к конгрессу и президенту США Гардингу с предложением установить между Россией и США торговые отношения. Однако на Обращение ВЦИК правительство США 25 марта 1921 г. заявило, что пойдет на установление экономических связей с Советской Россией лишь при условии коренных изменений в ее социальном строе, то есть отказа от Советской власти, от социализма¹⁷.

Договор о камчатских концессиях так и не вступил в силу, но сам факт существования соглашения Советского правительства с синдикатом Вандерлипа обострял американо-японские противоречия на Дальнем Востоке, ослабляя натиск империалистов США и Японии на советскую территорию, мешая осуществлению их экспансионистских планов.

Переход Камчатской области из ДВР в состав РСФСР сыграл большую роль в дипломатической борьбе Советского правительства с Японией. Это был глубоко продуманный шаг ленинской дипломатии. Владимир Ильич Ленин при разработке тезисов о ДВР подчеркнул в них, что «дипломатические мероприятия органов власти ДВР должны сводиться к скорейшему установлению непосредственных отношений РСФСР с иностранными державами»¹⁸.

При переговорах с Японией, не желавшей признавать правительство Советской России, правительство ДВР могло теперь требовать участия в них представителей РСФСР, ссылаясь на то, что ряд дальневосточных вопросов (например о морских рыболовных участках в охотско-камчатских водах) без советского представителя решить нельзя: ведь Камчатская область принадлежит РСФСР.

11 октября 1921 г. В. И. Ленин ознакомился с письмом Г. В. Чичерина в Политбюро ЦК РКП(б), в котором он сообщал, что японское правительство дало согласие на участие представителя РСФСР при обсуждении отдельных вопросов на конференции представителей ДВР и Японии в Дайрене, и предложил послать на

¹⁷ См.: Документы внешней политики СССР, т. 4, с. 10.

¹⁸ Цит. по кн.: Труш М. И. Внешнеполитическая деятельность В. И. Ленина. 1921—1923. М., 1967, с. 98.

эту конференцию Ю. Ю. Мархлевского. Владимир Ильич согласился с предложением Г. В. Чичерина¹⁹.

Роль посланца Ленина на Дайренской конференции была, конечно, больше, чем защита наших интересов по рыболовным вопросам. Японцы видели, что дипломаты ДВР не одиноки в дипломатическом раунде с ними, что читинцев поддерживают Москва, Ленин.

Особенно важным было участие посланца В. И. Ленина А. А. Иоффе на Чанчуньской конференции в сентябре 1922 г., который, действуя «в соответствии с указаниями Владимира Ильича»²⁰, дал понять японским дипломатам, что советская делегация будет выступать не только по камчатским вопросам, что теперь ее касаются все вопросы русского Дальнего Востока. Иоффе добился заверения со стороны японцев, что они не будут поддерживать белогвардейцев на Северо-Востоке.

Получив известие о переходе Камчатской области из ДВР в состав РСФСР, председатель областного нарревкома И. Е. Ларин послал 29 марта 1921 г. телеграмму В. И. Ленину, в которой подробно обрисовал тяжелое экономическое и политическое положение на Северо-Востоке, состояние народного образования и здравоохранения. Он просил прислать на Камчатку уполномоченного Советского правительства, который бы проинформировал облнарревком о порядке управления областью в новых условиях, о советской концессионной политике²¹.

Из телеграммы явствовало, что, несмотря на наличие в охотско-камчатских водах японских военных судов, на Камчатке, Чукотке и Охотском побережье продолжают действовать органы народно-революционной власти.

Несмотря на большие трудности с финансами, Владимир Ильич нашел возможным оказать трудящимся Камчатской области значительную материальную помощь. В середине апреля 1921 г. было отдано распоряжение об организации советской товарной экспедиции на Камчатку. Для Северо-Востока стали подбираться кадры советских и партийных работников; на организацию экспедиции, закупку товаров и продовольствия Советское пра-

¹⁹ См.: Труш-М. И. Внешнеполитическая деятельность В. И. Ленина. 1921—1923. М., 1967, с. 222.

²⁰ Черных А. Г., Хруслов Г. В. Ленин и Япония. Владивосток, 1974, с. 72.

²¹ См.: За власть Советов, с. 80—82.

вительство выделило 750 000 рублей золотом и 3 000 000 рублей романовскими деньгами²² (последние еще были в ходу в Китае).

ЦК партии обязал Дальбюро ЦК внимательно следить за положением на Северо-Востоке и оказывать коммунистам Камчатской области необходимую помощь. Непосредственно это указание касалось Приморского обкома партии, в подчинении которого находилась Камчатская парторганизация.

3 мая 1921 г. В. И. Ленин получил из Читы телеграмму от П. И. Кларка, назначенного комиссаром Камчатки. П. И. Кларк должен был организовать отправку советской экспедиции на Камчатку. В телеграмме он описывал тяжелое экономическое положение на Камчатке и просил ускорить выдачу денег на организацию экспедиции. На тексте телеграммы В. И. Ленин написал резолюцию: «Ярославскому»²³. Секретарь ЦК РКП(б) Е. М. Ярославский на другой же день запросил Сиббюро по телеграфу: «Срочно сообщите, что сделано для снабжения Камчатки продовольствием»²⁴.

Деньги на организацию экспедиции вскоре были переведены.

Одновременно решался вопрос об организации товарообменной экспедиции на Колыму. Во Владивостоке с этой целью был зафрахтован пароход «Ставрополь». 9 мая уполномоченный Сибвнешторга и Комитета Северного морского пути А. Н. Занковский выехал из Омска во Владивосток для организации экспедиции²⁵.

На заседании Совета Труда и Оборона 27 мая 1921 г. под председательством В. И. Ленина была уточнена сумма, выделенная для организации Колымской экспедиции, а также экспедиции в Аян, — 1 380 000 рублей золотом²⁶.

Но ни одной из этих экспедиций послать на Северо-Восток не удалось. А. Н. Занковский во время остановки

---

²² Партийный архив Новосибирского обкома КПСС (ПАНО), ф. 1, оп. 2, д. 196, л. 40.

²³ В. И. Ленин и борьба за власть Советов на Дальнем Востоке, с. 90—91.

²⁴ За власть Советов, с. 83.

²⁵ Госархив Новосибирской области (ГАО), ф. 257, оп. 1, д. 21, л. 3.

²⁶ См.: В сердцах трудящихся Якутии. Письма, документы, воспоминания, очерки. Якутск, 1970, с. 135.

в Чите узнал, что во Владивостоке 26—27 мая 1921 г. произошел японо-белогвардейский переворот. При поддержке японских интервентов власть во Владивостоке, а затем в Приморье захватила буржуазия во главе с фабрикантом С. Д. Меркуловым. В планы японских интервентов входило попытаться руками белогвардейцев свергнуть правительство ДВР, сменить красный «буфер» на черный. Одновременно преследовалась цель отрезать Камчатскую область от «материка».

На заседании фракции РКП(б) VIII съезда Советов 21 декабря 1920 г. В. И. Ленину был задан вопрос: «А что, если Япония, чтобы не дать возможности нам сдать Америке Камчатку, возьмет и займет ее своими войсками, объявив ее своей?».

В. И. Ленин ответил: «Она фактически и сейчас владеет Камчаткой, и если бы она могла это сделать, она сделала бы, но она не может потому, что боится Америки»²⁷.

5 июля 1921 г. Совнарком постановил: «Ввиду изменившихся условий постановление СНК об организации товарной экспедиции в Колымский край отменить». Вскоре была отменена и Аянская экспедиция²⁸.

Организация советской экспедиции на Камчатку была перенесена в Шанхай. 27 сентября экспедиция на пароходе «Ральф Моллер» вышла на Камчатку, но у японского порта Муроран была встречена огнем белогвардейского судна «Батарея» и вынуждена была повернуть обратно.

Во Владивостоке после переворота при содействии японских интервентов спешно готовилась карательная экспедиция в Охотско-Камчатский край под руководством есаула Бочкарева. Особоуполномоченным белогвардейского «приамурского правительства» на Камчатке был назначен рыбопромышленник Х. П. Бирич.

В этих тяжелых условиях необходимо было каким-то образом установить связь с Северо-Востоком, как-то решить вопрос о снабжении.

1 июня 1921 г. на заседании Совета Труда и Оборона, проходившем под председательством В. И. Ленина, было признано «положение связи в Якутском крае ката-

²⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 120.

²⁸ См.: Алексеев Е. Е. Роль В. И. Ленина в установлении и упрочении Советской власти в Якутии. Якутск, 1962, с. 74.

строфическим, а организация новой связи с Камчаткой необходимой»²⁹.

После неудачи с организацией советской экспедиции на Камчатку из Шанхая в Якутске стала готовиться новая экспедиция на Северо-Восток. Якутский губревком принял решение направить экспедицию во главе с коммунистом В. Д. Котенко. «Во исполнение воли Совнаркома и ВЦИК РСФСР,— говорилось в постановлении губревкома от 25 октября 1921 г.,— весь Гижигинский район, по реке Пенжине и Анадырю, от Берингова пролива до берегов Ледовитого океана, в административном управлении подчиняется Колымскому уездному ревкому...» Уполномоченному губревкома В. Д. Котенко поручалось приступить к организации Советской власти в этом районе и «в случае возможности установить связь с Камчаткой для организации Советской власти»³⁰.

Несколько ранее на Охотское побережье был командирован уполномоченный Якутского губревкома по связи Д. Л. Гатилов.

Эти товарищи погибли от рук белых.

В сложившихся условиях большое значение имело партизанское движение на Камчатке, срывавшее японские планы создания на Северо-Востоке своего протектората. Сиббюро ЦК РКП(б), сообщая В. И. Ленину о действиях камчатских партизан, указало: «Борьба эта важна для нас в том отношении, что не дает установить власти белых, которая, ввиду деятельности партизан, распространяется лишь на очень небольшой район»³¹.

Благодаря неустанному вниманию ЦК РКП(б), Советского правительства и лично В. И. Ленина к вопросам борьбы за власть Советов на Дальнем Востоке последняя авантюра интервентов и белых, направленная на свержение власти ДВР и народно-революционных органов на Камчатке потерпела крах.

С освобождением Народно-революционной армией города Владивостока 25 октября 1922 г. заканчивалась гражданская война и интервенция на Дальнем Востоке, были созданы условия для окончательной ликвидации белых банд и на Северо-Востоке.

---

²⁹ В сердцах трудящихся Якутии, с. 136.

³⁰ Борьба за власть Советов на Чукотке. Сборник документов и материалов. Магадан, 1967, с. 125.

³¹ За власть Советов, с. 154.

Первые коммунисты на Камчатке

Приезжая в Петропавловск-Камчатский, я часто бывал в том месте Авачинской бухты, где на приколе стояло одно судно. Порядком ему пришлось «котлами покипеть». Но и в «преклонные» годы этот бывший пароход, ветеран советского морского флота, некоторое время пытался быть полезным людям: он служил причалом для других судов.

Это был «Теодор Нетте», воспетый в свое время Маяковским. По архивным источникам и старым газетам я знал, что «Теодор Нетте» связан с историей установления Советской власти на Камчатке. Более того, без преувеличения можно сказать, что, не соверши он своего последнего рейса на Камчатку в конце 1917 г., не было бы здесь в 1918 г. Советской власти. Таково было своеобразие здешней обстановки в те годы.

«Теодор Нетте» тогда назывался «Тверью». «Тверь» была одним из грузопассажирских пароходов Добровольного флота, обслуживавших северо-восточные рейсы из Владивостока.

1 ноября 1917 г. Управление Добровольного флота

отправляло на Камчатку «Тверь» в последний рейс. Состав пассажиров на судне в это время был несколько необычным: большинство составляли военнослужащие — солдаты, служившие в Шкотово и Владивостоке. Часть их была демобилизована, часть — направлялась на службу в Петропавловск. Всего около ста человек. Как показали дальнейшие события, большинство солдат были революционно настроенными. Прибытие их в Петропавловск имело большое значение для утверждения на Камчатке Советской власти.

Среди направленных на Камчатку солдат был один, имя которого вскоре стало известно всем трудящимся Северо-Востока, — коммунист Иван Ларин.

Иван Емельянович Ларин родился 5 февраля 1890 г. на Рязанщине, в деревне Ванино. Семья была бедняцкая. Когда Ване исполнилось 4 года, умер отец, оставив жену с тремя детьми. Ваня был самый старший и воспитывался у родственников.

В 1902 г. он закончил 4-й класс Смыковской сельской школы, а в 1903 г. поступил в ремесленное училище уездного города Сапожок. В годы первой русской революции Ларин начал выполнять некоторые поручения революционной группы училища. В 1906 г. по окончании училища в поисках работы он поехал на Дальний Восток. Устроился слесарем на один из заводов Владивостока, затем перешел в военный порт.

Это было время, когда революция шла уже на спад. Начался дикий разгул реакции, был установлен свирепый режим.

Ларин — член кружка социал-демократической молодежи — активно участвовал в собраниях портовых рабочих. Вечерами ходил на лекции в народный университет.

17 октября 1907 г. восстали революционные матросы миноносцев «Скорый», «Тревожный» и «Сердитый». Рабочие военного порта поддержали восставших. Ларин был в их числе. Выступление это было подавлено. Рабочие, участвовавшие в выступлении, уволены с работы. С группой безработных Иван Ларин решил ехать на Камчатку.

С этого времени и начинается камчатская биография Ларина. Он полюбил этот край, надолго связав с ним свою судьбу.

С 1911 г. Иван Емельянович Ларин стал работать на строительстве. Техник-строитель — так называлась его должность. Приходилось много ездить по области, знакомиться с жизнью и бытом населения. Перед глазами юноши вставала картина ужасающей нищеты трудового народа, грабежа его русскими и иностранными купцами, почти поголовной неграмотности.

Летом 1916 г. Ивана Емельяновича призвали в армию. Служил сначала в артиллерийском полку, затем — в автомобильной команде Владивостокской крепости. Здесь и застала его Февральская революция. В мае 1917 г. солдаты команды избрали Ларина секретарем солдатского комитета. В этой же команде служили большевики В. Ф. Шумятский и А. А. Воронин — члены Владивостокского Совета рабочих и военных депутатов. Они дали Ивану Емельяновичу рекомендации для вступления в РСДРП. В июне 1917 г. Ларин стал членом партии большевиков.

В июле — августе 1917 г. Ларин в отпуске на Камчатке. В Петропавловске в это время, кроме него, ни одного коммуниста.

Стремясь закрепиться у власти, буржуазия Северо-Востока организовала областной съезд представителей населения, на котором был избран областной комитет общественной безопасности. Вместе с представителями зажиточных слоев населения в областной комитет вошли и представители трудящихся, еще веривших Временному правительству.

Иван Емельянович присутствовал на заседаниях областного съезда, думал о том, как трудно будет вырвать массу населения из-под влияния буржуазии. Специального задания проводить разъяснительную работу среди трудящихся, организовывать Советы, он не имел, но как коммунист считал себя обязанным заниматься этим.

Ларин стал вести агитационную работу среди рабочих. Нужно было как-то объединить их, представителей самых различных профессий, хотя бы в профсоюз. Только после этого можно думать об организации Совета. Вскоре была выпущена листовка, в которой разъяснялись необходимость организации профсоюза и его задачи. В многочисленных частных беседах и на сходках рабочих Ларин рассказывал о большевиках, Советской власти, о сущности Временного правительства.

В августе 1917 г. в Петропавловске состоялось учредительное собрание профсоюза рабочих, на котором избрали его правление.

К этому времени отпуск Ларина кончился. И вот он снова во Владивостоке. Снова секретарская работа в комитете автомобильной команды. А по вечерам — учеба на курсах пропагандистов.

Ларин принял участие в работе II краевой конференции РСДРП(б), нацелившей большевистскую организацию Дальнего Востока на подготовку к вооруженному восстанию за установление Советской власти. Владивостокскому горкому РСДРП(б) Ларин доложил о политическом положении на Северо-Востоке, попросил, чтобы его направили на Камчатку.

Горком поддержал инициативу Ларина, и вскоре он получил перевод в Петропавловск.

И вот Ларин на пароходе «Тверь» вместе с солдатами других частей едет на Камчатку. Палуба и твиндеки представляли собой взбудораженный улей. Пассажиры — военные и штатские — возбужденно обсуждали последние новости, которые принес телеграф из центральных районов страны. В телеграфных сообщениях, публиковавшихся в местных газетах, утверждалось, что большевики в Петрограде против воли народа захватили власть в свои руки. Информации о событиях в Центре приходили от кого угодно, но только не от Советского правительства. Советские телеграммы задерживались контрреволюционным руководством почтово-телеграфного округа.

Только 3 ноября газета «Красное знамя» могла сообщить своим читателям: «Революция победила! Победили доблестный петроградский пролетариат и гарнизон... Привет Петроградскому Совету! Привет петроградским рабочим и солдатам!...»

Но «Тверь» была уже в пути, и пассажиры ее все еще не совсем ясно представляли себе суть событий в Петрограде.

11 ноября 1917 г. пароход «Тверь» вошел в Авачинский залив. Долгий десятидневный путь закончился.

Прибывшие солдаты разместились в казармах камчатской местной команды. Принимал их председатель командного комитета Антон Олейник. Узнав, что Ларин был секретарем солдатского комитета во Владивостоке,

Олейник предложил ему секретарствовать и в этом комитете.

Антон Савельевич Олейник родом был с Украины. На Киевщине, недалеко от Богуслава, есть деревня Хохотва, в которой жили его родители-крестьяне, бедняки. В поисках лучшей доли Антон уехал на Дальний Восток. Осенью 1916 г. его призвали в армию и послали на службу в камчатскую местную команду. В июне командный комитет командировал Олейника в Хабаровск на II Дальневосточный краевой съезд Советов. Там в августе 1917 г. он вступил в ряды РСДРП(б), работал в Дальневосточном краевом комитете Советов.

Пребывание в Хабаровске, общение с убежденными и стойкими большевиками-ленинцами А. Я. Нейбутом, К. А. Сухановым и другими, работа в краевом Совете были для Олейника хорошей политической школой.

Ларин и Олейник провели на Камчатке большую разъяснительную работу среди обманутых контрреволюционерами рабочих, солдат, рыбаков, охотников. Постепенно из революционно настроенных рабочих, солдат, служащих был подобран актив: Л. Ф. Киселев¹, М. Г. Шиманчик², П. И. Дудко³, О. А. Картакай⁴, М. К. По-

---

¹ Киселев Л. Ф. — в 1917—1918 гг. — член Петропавловского городского и Камчатского областного Советов, уполномоченный областного Совета на Чукотке. Считал себя коммунистом. Погиб на Чукотке от рук торговцев в 1920 г.

² Шиманчик М. Г. — рабочий Охотских приисков. В 1917 г. избирался делегатом на I Камчатский областной съезд представителей населения. В Петропавловске был членом областного комитета общественной безопасности, областного Совета, Петропавловского городского Совета. После контрреволюционного переворота в Петропавловске в июле 1918 г. арестован и выслан белыми во Владивосток. Дальнейшая судьба его неизвестна.

³ Дудко П. И. — член КПСС с 1920 г., в 1917—1918 гг. — член Петропавловского городского и Камчатского областного Советов, в 1923—1925 гг. — председатель Охотского уездного ревкома; в конце 20-х годов — председатель Нерчинского горсовета.

⁴ Картакай О. А. (р. 1891) — член КПСС с 1920 г. До революции работала на фабриках Прибалтики и Дальнего Востока. В 1917—1918 гг. — член Петропавловского горсовета, председатель женсовета. После контрреволюционного переворота в Петропавловске в июле 1918 г. была арестована и выслана во Владивосток. В период колчаковщины находилась на нелегальном положении, проводила политработу среди рабочих-железнодорожников. После гражданской войны — на советской и профсоюзной работе. Сейчас — персональная пенсионерка, проживает в Москве.

пов⁵, А. М. Бычков⁶, В. Д. Богомоллов⁷. Опираясь на него, 7—8 декабря 1917 г. организовали первый на Северо-Востоке Совет — Петропавловский городской Совет рабочих и солдатских депутатов. Первым председателем Петропавловского горсовета стал Иван Емельянович Ларин, Антон Савельевич Олейник — его заместителем.

Главным препятствием для деятельности Совета был орган бывшего Временного правительства — областной комитет общественной безопасности. Его реакционное руководство отказалось признать Советское правительство, заявляя, что подчинится только Учредительному собранию.

1 января 1918 г. Ларин и Олейник собрали в Народном доме города Петропавловска пленарное заседание городского Совета и на нем объявили горсовет высшей властью «в сфере его влияния».

Заметьте — не в городе, а в сфере влияния горсовета. Сначала большевики хотели взять курс на реорганизацию городского Совета в областной. Но сразу объявить об этом было рискованно. В самом городе Совет пользовался поддержкой большинства населения, в области же еще нет. Дипломатическая фраза «в сфере его влияния» позволяла горсовету маневрировать.

Шло время, а Камчатский областной комитет общественной безопасности никак не реагировал на решение пленарного заседания горсовета. 6 января он заявил, что признает горсовет лишь как «общественно-политическую организацию революционного пролетариата». О

---

⁵ Попов М. К. — член Камчатского областного комитета общественной безопасности (представитель Охотска), затем — член областного Совета. После контрреволюционного переворота в Петропавловске в июле 1918 г. выслан во Владивосток, оттуда бежал в Охотск, в феврале 1920 г. был избран членом Охотского уездного Совета.

⁶ О Бычкове А. М. см. очерк «Начальник Чукотки».

⁷ Богомоллов В. Д. (р. 1887) — член КПСС с 1928 г. (вступал в партию в 1918 г., из-за отсутствия связи с партийными организациями из партии выбыл, в 1924 г. был принят вновь кандидатом). В августе 1917 г. был избран в Камчатский областной комитет общественной безопасности, поддерживал в нем сторонников Советской власти, в 1918 г. — член Камчатского областного Совета. Работал в кооперации. С середины 1922 г. — командующий партизанскими отрядами Камчатки. В 1931 г. переехал на Северный Кавказ. Умер в 30-х годах.

признании горсовета высшей властью даже в городе не было сказано ни слова. Буржуазия ожидала итогов Учредительного собрания.

Ларин и Олейник вечером этого же дня организовали объединенное заседание горсовета, областного комитета и городской думы. Олейник внес резолюцию, предлагающую признать горсовет высшей властью в городе, Дальневосточный краевой комитет Советов — высшей властью в крае, а Совнарком — в стране. Контрреволюционное руководство областного комитета было против.

В зале заседания, кроме депутатов, находилось много жителей города — рабочих и солдат. Отказ областного комитета признать Советскую власть вызвал среди них взрыв возмущения. Солдаты стали подниматься с мест. Слышались возгласы:

— Товарищи, долго будем возиться с этой контрой? А ну, пойдем за оружием, покажем ей, как выступать против Советов!

Руководитель контрреволюционеров, председатель областного комитета А. А. Пурин потом вспоминал, что, если бы не вмешательство Олейника, «мы все были бы перебиты в этот знаменательный вечер».

Резолюция, предложенная Олейником, была принята. Однако и приняв ее, реакционная верхушка областного комитета не спешила сдаваться. Она обратилась за поддержкой к населению уездов. Назревала реальная опасность вооруженного выступления врагов Советской власти.

Тогда Ларин и Олейник избрали новую тактику в борьбе за Советы: не отстранять областной комитет от власти, а попытаться реорганизовать его в областной Совет. Решение этой задачи облегчалось тем обстоятельством, что наряду с контрреволюционерами в составе областного комитета находилась довольно значительная прослойка представителей трудящихся — около половины членов комитета.

Эта тактика себя оправдала. Развернувшуюся внутри областного комитета борьбу большевистски настроенных его членов с контрреволюционерами возглавил Олейник, введенный в комитет как представитель городского Совета. Постепенно число сторонников Пурина уменьшалось.

27 февраля 1918 г. по требованию большевистски на-

строенных членов областной комитет принял постановление о переименовании себя в областной Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Областной Совет заявил о признании декретов Советского правительства и призвал комитеты Северо-Востока также переименовывать себя в Советы. Фактически речь шла о реорганизации их работы на советских началах. В марте по области началась организация Советов.

Но в составе областного Совета все еще оставались Пурин и его сторонники. Они только сделали вид, что признали Советскую власть. В середине марта 1918 г. они организовали антисоветское выступление под флагом автономии Камчатки. Речь шла об отделении Северо-Востока от РСФСР, под протекторат Японии. Организаторы заговора решили устранить Олейника, справедливо полагая, что он может сорвать их планы.

Подробности, связанные с этими событиями, мне рассказывал сам Антон Савельевич:

«Как-то вечером меня вызвал Пурин и заявил, что в Сероглазке волостные власти созвали съезд представителей местного населения и просят прислать кого-то от областного Совета. «Вот мы и решили послать туда вас и Сусяка», — закончил он.

Ничего не подозревая, я с Сусяком, который, кстати сказать, был одним из сторонников Пурин, в ночь на 19 марта выехали в Сероглазку. Там Сусяк сразу же куда-то исчез.

Выяснилось, что никакого съезда в Сероглазке не созывалось. Увидев большое количество вооруженных людей, я понял, что затевается какая-то провокация. Среди собравшихся я заметил группу людей, которые занимали явно выжидательную позицию. Они впервые, вероятно, видели большевика, к тому же одного, невооруженного, и заметно сочувствовали мне. Один знакомый камчадал тихонько шепнул:

— Спасайтесь. Вас хотят убить.

Что предпринять? Бежать? Но как это истолкуют люди? Среди них немало простых охотников, рыбаков. Своим бегством я только сыграю на руку врагам.

И тут у меня возникла мысль. Я обратился к присутствующим с предложением потолковать по душам. Руководители заговора пытались помешать этому, но большинство собравшихся поддержало меня.

Начал я рассказ с того, что такое Советская власть, что она дает трудовому народу, и почувствовал: атмосфера потеплела. После моего выступления со стороны главарей заговора посыпались провокационные вопросы:

— Почему ограбили казначейство и магазины в Петропавловске?

— Почему терроризируете население?

Я разъяснил, что это злостная клевета врагов Советской власти, защищающих интересы буржуазии, и предложил выбрать делегатов для поездки в Петропавловск: пусть на месте убедятся в ложности этих вымыслов. На том и договорились. Теперь я уже свободно мог вернуться в город.

Вскоре туда прибыли делегаты из Сероглазки. Мы тепло встретили их, угостили чаем. Потом провели общегородское собрание с участием гостей».

Собрание было организовано как расширенное пленарное заседание горсовета. Оно превратилось в суд народа над главарями автономистов и их сообщниками. Один за другим выступали рабочие, солдаты, охотники, рыбаки, сурово осудив выступление заговорщиков. Никогда еще петропавловцы не видели таким разъяренным Ивана Емельяновича Ларина. «Я так громко никогда не выступал,— вспоминает он,— а тут просто расвирепел. «Теперь вы можете убедиться, товарищи,— кричу,— что за деятели имеются в нашем областном Совете. Ведь это просто двурушники! На словах они за Советскую власть, а на деле тайком от депутатов-большевиков готовят ей нож в спину. Объявить автономию Камчатки! Отделиться от России под власть иностранцев! Как это можно?!!»

При полной поддержке населения пленарное заседание горсовета осудило действия заговорщиков. Общегородское собрание, состоявшееся на следующий день, постановило отозвать из областного Совета контрреволюционеров. 21 марта объединенное заседание областного и городского Советов решило провести 7—8 апреля перевыборы части членов областного Совета, распустить городскую думу.

В апреле состоялись перевыборы членов областного Совета от города. В областной Совет был избран Ларин, который вскоре стал его председателем. Избрали также П. И. Дудко и И. Ф. Голованова. А. С. Олейник стал председателем городского Совета.

Победа Советской власти была закреплена.

В июне 1918 г. Ларин и Олейник выехали из Петропавловска во Владивосток на конференцию председателей Совдепов. К Владивостоку пароход подошел в ночь с 28 на 29 июня. А утром 29-го Ларин и Олейник стали свидетелями чехословацко-белогвардейского переворота, сами были арестованы и освободились только благодаря стечению обстоятельств.

В начале сентября 1918 г. не успевшие еще укрепнуть Советы Дальнего Востока вынуждены были под натиском интервентов и белых временно прекратить свою работу. Пала Советская власть и на Северо-Востоке.

Антон Савельевич уехал в Никольск-Уссурийск, ушел в подполье. В одной из сапожных мастерских города стал работать сапожник Топорков. Это был он, Антон Савельевич. Подпольная кличка привилась, стала фамилией. В 1919 г. он вступает в партизанский отряд А. Ф. Андреева, становится его заместителем. Их отряд участвует в свержении колчаковщины в Приморье. В 1920 г. Топорков — комиссар 2-го Дальневосточного кавалерийского полка, работает в политотделе Восточного фронта Амурской армии вместе с П. П. Постышевым. С конца 1921 г. до освобождения Приморья от белогвардейцев и интервентов Топорков командует несколькими партизанскими отрядами в районе Никольск-Уссурийска. В одном из его отрядов сражался известный комсомолец Виталий Баневур.

Ларин в годы колчаковщины — в большевистском подполье во Владивостоке. После свержения власти белых на Камчатке и в Приморье по просьбе Камчатского военревкома был его уполномоченным во Владивостоке.

На I Чрезвычайном Петропавловском уездном съезде Советов, работа которого проходила в марте-апреле 1920 г., Ларин был заочно избран членом Камчатского областного Совета.

Обстановка на Камчатке после свержения колчаковской власти была напряженной. Во время переворота в Петропавловске не было ни одного коммуниста. Восстание организовал подпольный ревком, возглавляемый преданным Советской власти товарищем — П. С. Маловечкиным. Ревкомовцы понимали необходимость партийной организации и решили создать ее, даже не имея необходимого количества партийных товарищей.

25 января 1920 г. в Петропавловске была открыта запись в Коммунистическую партию. Одними из первых в нее вступили активные участники свержения колчаковской власти—П. С. Маловечкин, А. М. Бычков, И. И. Флетчер, Э. П. Косыгин и другие. Но наряду с преданными делу трудящихся товарищами в Петропавловскую организацию РКП(б) из-за недостаточной бдительности коммунистов сумели проникнуть и случайные элементы, вроде А. И. Бабкина-Байкалова, бывшего казачьего есаула, выдававшего себя за коммуниста с дореволюционным стажем. Когда Бабкин-Байкалов телеграфировал Приморскому обкому РКП(б) о создании в Петропавловске парторганизации и просил утвердить, обком обратился с запросом к Ларину. Иван Емельянович не знал Бабкина-Байкалова и не мог за него поручиться. Утверждение камчатской партийной организации отложили до открытия навигации.

Уполномоченные Камчатского военревкома во Владивостоке Н. В. Холодов⁸ и М. П. Воловников⁹ информировали военревком о новой тактике коммунистов Приморья. Из-за наличия на Дальнем Востоке войск интервентов временным правительством Приморья после свержения власти колчаковцев была объявлена Приморская областная земская управа — революционно-демократический орган власти, фактически находившийся под руководством коммунистов. Холодов и Воловников предлагали признать Приморское правительство и на Камчатке тоже организовать подобные органы власти, временно воздержаться от восстановления Советской власти. В основном это соответствовало директивам Центра о курсе на «буфер». Однако Камчатский военревком, а затем и областной Совет получили также распоряжения от командующего Николаевским военным округом анархиста Я. И. Тряпицына, потребовавшего не подчиняться директивам о «буфере», готовиться к войне с Японией, создавать Советы, угрожая в противном случае судом револю-

⁸ Холодов Н. В. (? — 1930) — член КПСС, активный участник организации борьбы с колчаковщиной на Камчатке в 1918—1919 гг., летом 1919 г. был выслан колчаковцами под арестом во Владивосток. В 1920 г. — член Далькрайкома партии. В конце 1920 — начале 1921 г. — эmissар правительства ДВР по Камчатской области. Умер в 1930 г. в Крыму.

⁹ О Воловникове М. П. подробнее см. в очерке «Начальник Чукотки».

ционного трибунала. Тряпицын уверял камчатцев, что владивостокские коммунисты погрязли в соглашательстве с земцами. Бабкин-Байкалов призывал поддержать Тряпицына.

Руководство Камчатского областного Совета больше прислушивалось к советам Ларина, но после выступления японских интервентов в Приморье 4—5 апреля 1920 г. радиосвязь с Владивостоком была нарушена.

Камчатский областной Совет продолжал действовать, создавалась сеть Советов на местах.

С открытием навигации Политбюро Далькрайкома и Приморский обком РКП(б) послали для укрепления Камчатской парторганизации своих уполномоченных М. И. Савченко и А. Н. Пересыпкина.

В первой половине мая 1920 г., раньше этих товарищей, в Петропавловск выехал Ларин. Тряпицынская пропаганда настолько подействовала на Камчатский областной Совет, что пароходу из Владивостока с «земцами» стали готовить вооруженную встречу.

При подходе парохода к Петропавловску областной Совет по радиотелеграфу запросил капитана о цели прихода на Камчатку. Отвечал на радиограмму Ларин. Он просил не беспокоиться: едут свои.

По прибытии в Петропавловск Иван Емельянович провел с членами областного Совета обстоятельную беседу, в результате которой было принято решение реорганизовать областной Совет в облисполком Приморской областной земской управы. Советы на местах также были реорганизованы в исполкомы. Состав исполкомов оставался прежним, и это было гарантией того, что их деятельность закрепится в рамках революционно-демократических органов власти.

7 июня 1920 г. Ларин был избран председателем Камчатского облисполкома. Положение улучшилось с прибытием в Петропавловск М. И. Савченко, члена партии с 1913 года.

Михаил Иванович Савченко родился в 1889 г. на Украине в семье крестьянина-бедняка. Пятнадцати лет поступил рабочим в сельскохозяйственную экономию «Грузская», а в 1909 г. — чернорабочим на Макеевский металлургический завод. Здесь подружился с рабочим Касьяновым, состоявшим в местной организации РСДРП. От него много узнал о Ленине, о большевиках и безого-

ворочно примкнул к ним. Стал выполнять партийные поручения.

В конце 1911 г. переехал в Юзовку, стал работать на металлургическом заводе, выполнял партийные задания, посещал марксистский кружок. В 1912 г. — первый арест. За отсутствием улик его освобождают, но в 1913 г. новый арест. Савченко сослали в нарымскую ссылку.

Летом 1916 г. ему удалось бежать в Петроград. С помощью партийных товарищей устроился токарем на Балтийский аэропланый завод. Сменил свою фамилию на Царегородцева. Но не помогло. Мастер, откуда-то узнав, с кем имеет дело, сказал ему:

— Вот что. Чтобы духу твоего здесь не было! Твое место в тюрьме, вот и иди туда. Скажи спасибо, что не сообщил о тебе куда следует.

И снова меняет Михаил Иванович имя. Теперь он уже Маркунас Владислав Викентьевич, электромонтер Петроградских городских железных дорог.

В 1917 г. Савченко участвовал в Февральской революции, был в красногвардейском отряде во время штурма Зимнего. На Дальнем Востоке оказался в 1918 г., выполняя задание В. И. Ленина, в составе Чрезвычайной комиссии по разгрузке Владивостокского порта.

После свержения Советской власти в Приморье Савченко с местной партийной организацией ушел в подполье.

В новой обстановке очень важно было возобновить выпуск владивостокской газеты «Красное знамя». Заведование типографией и возложили на старого большевика-подпольщика М. И. Савченко. Его снабдили фиктивным паспортом на имя М. И. Славского. Он не был известен широким массам и по условиям конспирации вполне подходил для подпольной работы.

В этой типографии выпускались и листовки.

«Совместно с товарищем Осиповым, — рассказывал Михаил Иванович, — мы организовали типографию для печатания газеты «Крестьянин и рабочий» — органа Дальневосточной партизанской республики в Анучино. В феврале 1919 г. колчаковцы произвели в типографии тщательный обыск, искали меня, но я в это время отсутствовал. По указанию парторганизации передал типографию «Прогресс» товарищу Родионову, а подпольную — товарищу Горихину и перешел работать на элек-

тростанцию судостроительного завода электромонтером».

Здесь, на электростанции, Савченко вовлек в партийную ячейку кочегара Сивака, с которым ему придется потом работать на Камчатке, а в 1922 г. встретиться при довольно необычных обстоятельствах. Но об этом будет рассказано дальше.

После свержения колчаковщины Савченко кооптировали в состав Приморского обкома партии.

И вот Михаил Иванович по заданию Далькрайкома партии на Камчатке. Сначала — как председатель комиссии по перерегистрации членов партии, а потом — как ответственный партийный организатор по области. Был избран Петропавловский уком РКП(б) во главе с А. Пересыпкиным. В сентябре Пересыпкин уехал на Командорские острова для создания там партийной ячейки, да так и не смог вернуться обратно до следующей навигации. Приморский обком утвердил Савченко председателем Петропавловского укома, действовавшего на правах обкома.

М. И. Савченко сразу же нашел общий язык с И. Е. Лариным. В докладной записке Приморскому обкому он писал, что имеет в лице Ларина хорошего помощника, активно содействующего ему в проведении в жизнь директив обкома.

Временный отказ от установления Советской власти наряду с положительными сторонами имел и издержки. Введение всеобщего избирательного права в Камчатской области способствовало оживлению политической деятельности буржуазных элементов.

Особенно это сказалось на III Камчатском областном съезде представителей населения. Председателем съезда был избран замаскированный белогвардеец И. И. Гапанович, который пытался повести работу съезда в нужном ему направлении. Делегаты съезда — коммунисты сорвали эти попытки. Съезд принял решение поддержать создание Дальневосточной республики, послать во Владивосток делегацию, которая способствовала бы проведению этого решения в жизнь. Однако во главе делегации был избран Гапанович. Он всячески пытался реабилитировать авантюриста Бабкина-Байжалова. Пытался даже помешать избранию Ларина в облисполком. В результате Ларин прошел в состав облисполкома большинством лишь в один голос.

Политическому росту Ларина способствовала умная направляющая рука нового руководителя камчатских коммунистов Савченко. Михаил Иванович официально работал в кооперативе. Был скромн. Никогда не подчеркивал своего высокого положения, предоставлял Ларину полную свободу действий, поправляя, однако, его, когда в этом была необходимость. Председатель укома внимательно присматривался к окружающим его людям, изучал Камчатку.

В июле 1921 г. в Петропавловск из меркуловского Владивостока приехал Гапанович и сразу же повел агитацию среди населения за выступление против облнарревкома под флагом автономии Камчатки. В действительности же планировалось создание на Северо-Востоке японского протектората. В компании Гапановича оказались его друг Бабкин-Байкалов, офицеры братья Поповы.

Милиционеры облнарревкома целую неделю держали в осаде дом, в котором собрались заговорщики. Взять дом приступом было трудно, так как осажденные грозили, что будут стрелять в сторону японского крейсера. Это вызвало бы военное вмешательство интервентов, что было нежелательно.

Наконец через неделю компания Гапановича сдалась. Ларин собрал общегородское собрание, которое заклеямило действия заговорщиков. Но японские офицеры, присутствовавшие на собрании, выступили в их защиту.

Как быть? Как сделать, чтобы изолировать заговорщиков? Ларин напряженно думает. Представитель села Паратунка Герасим Иванович Тюменцев подсказывает ему:

— Иван Емельянович, давай я предложу сейчас взять их от имени селений на поруки. А там уж мы им устроим «поруки».

Ларин согласился: действительно, выход из положения. Не возражал и Савченко. Тюменцев выступил со своим предложением. Заговорщиков распределили по селам. Японцы не нашли что возразить.

Усилия камчатских коммунистов по отстаиванию суверенитета РСФСР на Северо-Востоке были поистине героическими. Ведь в то время Камчатка была отрезана от «материка» даже в период навигации. Осторожная,

умная политика облнарревкома в этих условиях лишала японцев повода для вмешательства в наши внутренние дела на Северо-Востоке.

«Мирными» средствами ликвидировать облнарревком японцам не удалось. Осталась надежда на сильную карательную экспедицию белых из Владивостока.

В Петропавловске скоро стало известно о подготовке во Владивостоке белогвардейской экспедиции на Камчатку. Якум от имени ЦК во время своего пребывания на Камчатке предлагал приступить к созданию партизанских баз. Уком и облнарревком приняли меры для этого.

В конце октября к Петропавловску подошел белогвардейский пароход «Свирь». Принимать бой или нет?

В сложившейся обстановке лучше всего было отступить в глубь области, сохранив силы, и вести с белыми партизанскую борьбу. 28 октября облнарревком, милиция и часть рабочих, покинув город, ушли в сопки.

Прошло три месяца. Лариным и Савченко была проведена большая работа по организации партизанских отрядов. Облнарревком связался со всеми нарревкома ми Петропавловского уезда, известив их, что продолжает действовать, несмотря на занятие областного центра белыми.

Много трудностей пришлось пережить партизанам в это время. Торговцы и кулаки Завойкинской и Мильковской волостей, разъезжая по Камчатке, натравливали камчадалов на партизан. Утверждали, что Камчатка не может делать своей политики, все зависит от хода событий на «материке», поэтому выступление против белых ни к чему, кроме кровопролития, не приведет.

Ларин, Савченко и другие коммунисты, как могли, боролись с антисоветскими выступлениями, объясняли, к чему может привести инертность и аполитичность населения. Японские империалисты, помогая белым, объясняли они, как раз на это и рассчитывают, пытаясь создать здесь государство под протекторатом Японии.

События, которые происходили на Камчатке в конце 1921—1922 гг., были далеко не местного значения.

В феврале 1922 г. партизаны активизировали свои действия в районе Петропавловска. Был взят в плен подполковник Лукомский. Спокойная жизнь для белогвардейцев в Петропавловске кончилась.

Не имея возможности разбить партизан, белогвардейцы решили использовать в борьбе с ними самые низкие, подлые методы. Представители городской думы сообщили Ларину, что, если Лукомский не будет освобожден, белые расправятся с семьями большевиков. Жены Ларина и командующего партизанскими отрядами Фролова¹⁰ были арестованы.

Что ответить на это наглое заявление? Что Лукомский расстрелян? Телефонная трубка ждала ответа. С болью в сердце думал в это время Иван Емельянович о своих детях, о жене. Бочкаревские головорезы, конечно, не пощадят их. Молчание длилось недолго. Ларин твердо ответил:

— Революции без жертв не бывает.— И, помолчав, добавил: — Вам только с бабами воевать.

1 марта 1922 г. Ларин подписал документ, который напоминал коммунистам о большой ответственности, лежащей сейчас на них (Савченко был в отъезде):

«БОЕВОЙ ПРИКАЗ № 1

членам Петропавловской-на-Камчатке уездной организации Российской Коммунистической партии большевиков.

От имени Всероссийского Центрального Комитета партии все члены Петропавловской уездной организации Российской Коммунистической партии считаются мобилизованными. [Им] предлагается принять самое активное участие в рядах отряда Камчатского областного нарревкома в осаде г. Петропавловска и охране дороги по тракту, лежащей по направлению к селу Завойко.

Члены партии должны примером своим увлечь рядовых членов отряда, невзирая на болезнь, холод и голод.

В отношении подчинения члены партии наравне с рядовыми членами отрядов беспрекословно подчиняются

---

¹⁰ Фролов Николай Павлович (1890—1973), член КПСС с 1920 г. Октябрьскую революцию встретил в Николаевске-на-Амуре, будучи председателем ротного комитета местного гарнизона. На Камчатку приехал после демобилизации летом 1918 г. После антиколчаковского переворота — комиссар народной охраны, а затем — начальник областной милиции. В 1922 г. несколько месяцев являлся командующим партизанскими отрядами Камчатки, был начальником штаба. После гражданской войны до 1931 г. продолжал работу в милиции Камчатской области, затем выехал на «материк», был на хозяйственной работе. Последнее время жил в Москве, был персональным пенсионером союзного значения.

штабу отряда, действия которого контролируются через своих членов, входящих в штаб...»

Под Петропавловском партизанам приходилось действовать во враждебной обстановке. В селениях Завойко и Сероглазка власть была в руках кулаков и торговцев, и они, чем могли, мешали облнарревкому. Партизанские отряды были еще очень малочисленными.

В апреле—мае 1922 г. под руководством Савченко и Ларина проходила работа II Чрезвычайного Петропавловского уездного съезда представителей населения.

«Приступив к решительным действиям,— говорил на съезде Ларин,— мы, товарищи, должны помнить, что здесь, на Камчатке, стоят непрошенные гости — интервенты... Но пусть эти жандармы международной контрреволюции знают, что не сегодня-завтра окрепшая экономически наша мать — пролетарская Россия твердо заявит им: прочь от нас!..»

В 1967 г., накануне празднования 50-летнего юбилея Советской власти, я побывал в Ленинграде у Михаила Ивановича Савченко. Он рассказал о том трудном времени, когда летом 1922 г. белые активизировали свои действия на Камчатке.

«Связь с Центром у нас была потеряна,— вспоминал он.— А белогвардейцы усиленно старались дезинформировать население. Кричали, что Москва и Петроград уже заняты их войсками.

20 июля 1922 г. состоялось заседание Камчатского облнарревкома, на котором решили: нужно кого-то послать на «материк» для связи. Но кого? Ехать трудно. Рассчитывать можно было только на японский пароход, но для поездки нужна виза, а японцы ее не давали.

Ларин говорит:

— Знаешь что, Михаил Иванович, придется тебе поехать. Ну кому еще?! Кто сможет добраться до «материка» в таких условиях?! А у тебя опыт подпольной работы. Кроме того, в Чите ведь нужно обстоятельно рассказать обо всем, убедить товарищей оказать нам помощь. Только ты сможешь с этим справиться».

Михаил Иванович стал собираться в дорогу. Облнарревком выдал ему доверенность на 60 тысяч рублей для закупки оружия, паспорт на имя паланского учителя М. И. Лебедева. И два-три запасных паспорта. Заполнил их Петр Глебович Ивашкин.

Савченко выбрал себе в напарники (до морского побережья) самого смелого и надежного партизана — Алексея Тимофеевича Коробко. На реке Быстрой соорудили плот, рассчитывая на нем благополучно добраться до низовьев.

Местные жители отговаривали:

— Разобьет вас, не ездите.

И действительно река Быстрая недаром так называлась. Очень бурной оказалась горная речка. Несколько раз партизан сбрасывало с плота. Но вот, наконец, запахло морем.

Партизаны, взяв оружие на изготовку, вытащив гранаты, подошли к одной из рыбалок. Предосторожность оказалась не напрасной: рыбопромышленник привез из Владивостока вооруженную охрану из двенадцати человек. Партизаны действовали быстро и энергично.

— Руки вверх!

Охранники ошалело смотрели на двух партизан с поднятыми гранатами.

— Бросай оружие!

Но охранники и не думали сопротивляться. Это были простые рабочие парни, решившие поехать на Камчатку на заработки. Савченко побеседовал с ними, расспросил о положении на побережье. Рыбаки, пришедшие с рыбалки, тепло приветствовали партизан. Только рыбопромышленник трясся от страха.

Узнав о том, что рыбаки скоро возвращаются во Владивосток, Савченко договорился, что поедет с ними, и попросил включить его в список рабочих рыбалки. Капитан одного из японских пароходов согласился взять с собой русских рыбаков, но только для того, чтобы в море пересадить на белогвардейский пароход, идущий во Владивосток из Охотска. Без визы до Хакодате он не соглашался их везти.

Ехать или нет на этом пароходе? Опасность была очень велика. Среди рыбаков и охранников могли оказаться предатели. Трудно было рассчитывать и на лояльность рыбопромышленника.

Савченко решил ехать. На японском пароходе все обошлось благополучно. Но вот показался вдали пароход, идущий из Охотска. На палубе его столпились белогвардейцы, с любопытством рассматривая встречное судно. По рыбацкому списку Савченко пропустили вроде

бы без всяких подозрений. Теперь пошли уже курсом во Владивосток с заходом в Хакодате.

Внешне председатель Камчатской парторганизации мало чем выделялся среди рыбаков. Он выглядел таким же работягой, с бородой, отпущенной во время партизанства, но все же старался не мозолить белым глаза. Главной опасностью продолжала оставаться возможность предательства.

Раз ночью вышел на палубу подышать свежим воздухом. Вдруг показалось, что за ним наблюдают. Неужели предательство? Кто-то из команды парохода, приблизившись, пошел дальше. Потом вернулся, на секунду остановился и снова пошел. Савченко услышал шепот:

— Михаил Иванович, идите за мной.

Кто бы это мог быть? В чем дело? Савченко двинулся вслед за уходящей фигурой. Остановились в безлюдном месте. Человек обернулся и заулыбался:

— Узнаете?

Что-то показалось знакомым в чертах его лица. Савченко силился вспомнить и вдруг узнал.

— Постой, постой... Сивак?

— Я, Михаил Иванович.

Да, это был товарищ Сивак, кочегар с электростанции Дальзавода, коммунист.

— Михаил Иванович,— зашептал Сивак. — Что же вы так открыто ходите здесь? Разве не знаете, что за офицерня тут едет? Ведь достаточно одного слова, и от вас ничего не останется.

— Я понимаю. Но куда денешься?!

Сивак предложил Савченко спрятаться к кочегарам в угольной яме, и Михаил Иванович сменил каюту на кочегарку. А рыбакам сказал, чтобы не поднимали шум во время его отсутствия.

Вот, наконец, и Хакодате. Здесь нужно обязательно сойти. Не ехать же во Владивосток в лапы к белым. Из Хакодате на другом пароходе можно будет доехать до Шанхая, а оттуда продолжить свой путь дальше, до Читы.

У трапа стоял офицер и выдавал пропуска желающим сойти на берег. А вдруг придерется к чему-нибудь, задержит? Может быть, именно в это время кто-нибудь из знающих Савченко вдруг выдаст его?

«В это время около парохода шныряли сотни японских лодок,— вспоминал Михаил Иванович.— Местные жители таким образом вели с командами судов и пассажирами довольно бойкую торговлю, предлагали свои услуги довести какой-нибудь груз до берега. Посоветовавшись с Сиваком, я решил, что лучше всего будет попытаться добраться до берега на одной из японских лодок. Сивак с товарищами отвлекли от меня внимание белых. Тем временем я, помахав иенами, подзвал к себе одного лодочника и знаками показал ему, что хочу поехать на берег. Удалось это сделать незаметно для белогвардейцев.

И вот я на берегу. Сразу же иду к Свиридову, коммунисту, работавшему в Хакодатском отделении Центросоюза. Он дает мне явку к одной женщине, Гагариной.

— Эта женщина надежная,— сказал он,— не выдаст. Все, что нужно для вас, сделает. Не беспокойтесь. Отдохните у нее. А я тем временем подумаю, на каком пароходе отправить вас в Шанхай».

«Прошло два или три дня,— вспоминал Савченко.— Возвращаюсь я как-то на явку и, не доходя до дома, вижу, какая-то женщина делает мне знаки. Потом уходит в сторону, я за ней.

— Идите на пристань,— говорит она,— домой не возвращайтесь. Там вас ищут. Пароход на Шанхай отходит через полчаса. Спешите. Вас ждать не будут.

Я на пароход. Успел на него за 10 минут до отхода. Свиридов заверил меня, что капитан парохода надежный человек, не выдаст. Только отошли метров так 50, нагоняет нас катеришко, а на нем те двое офицеров сигналият: «Остановитесь!». Показывают на меня: «Вот того, с бородой, обязательно задержать нужно!». Но капитан не остановил пароход.

Через несколько дней пришли в Шанхай. Таможенные чиновники проверяют у всех вещи. Я сунул одному из них иены. Пропустил без осмотра.

Сразу же в парикмахерскую. Сбрил бороду, потом сменил костюм. Смотрю в зеркало—сам себя не узнаю...»

В Пекине в это время находился полпред РСФСР Адольф Абрамович Иоффе. Он был очень болен и сначала не принял посланца с Камчатки. В ожидании приема Савченко написал доклад о положении на Камчатке и изложил просьбу камчатских товарищей. Он очень яс-

но представлял себе значение этого документа, который Иоффе пошлет в Москву. С этим документом, несомненно, ознакомятся в ЦК РКП(б) и Совнарком. Возможно, его будет читать и сам Владимир Ильич Ленин.

«...Не зная положения на «материке» и тактики Центра, от боя с японцами уклонялись,— писал Савченко.— В течение апреля, мая, июня, июля и августа город подвергался самой строгой блокаде...

В июле до комитета дошли сведения о меркуловском перевороте и о том, что Япония эвакуирует войска... С получением указанных сведений у всех участников борьбы появилась глубокая уверенность в том, что не получат больше подкреплений и белые...

Каково же было удивление областного комитета, всех участников борьбы и населения, когда десант за десантом начали прибывать из Владивостока новые силы белых! Сначала прибыл «Магнит» с отрядом в 70 человек и после него «Сишан» с отрядом в 150 человек, а затем—«Томск» с двумя сотнями отборных палачей и убийц. Есть сведения, что такое же количество должно прибыть на «Кишиневе». На Охотское побережье также направились 4 военных судна с десантом в 350 человек.

В момент получения этих сведений я был уже в Большерецке. У многих опустились руки, появилась деморализация, даже паника. Решено было блокаду города прекратить и оттянуть отряд в глубокий тыл для отдыха и пополнения и выработки новой ориентации. Мне же областным комитетом по телефону предложено было как можно скорее прорваться через морскую блокаду белых во Владивосток или Шанхай за средствами и военной поддержкой...»

Адольф Абрамович Иоффе поблагодарил Савченко за его информацию. Михаил Иванович получил в полпредстве дипломатический паспорт и выехал в Читу для доклада Дальбюро ЦК РКП(б) и правительству Дальневосточной республики.

...После разгрома под Волочаевкой белая армия уже не могла больше наступать и держалась в Приморье только под защитой японских штыков. К этому времени значительно изменилась в пользу Советской России и международная обстановка.

А. А. Иоффе, назначенный руководителем советской делегации на Чанчуньской конференции в сентябре

1922 г., выступил с разоблачением планов японских интервентов, связанных с эвакуацией белых на Северо-Восток. Информация Савченко для него была очень кстати. Японский представитель Мацудайра заверил его, что «Япония действительно не намерена поддерживать или вести военные действия против России». Вскоре японское правительство вынуждено было объявить об этом и белым. А без помощи японских интервентов белым ни в Приморье, ни в Камчатской области делать было нечего.

С разгромом белых в Спасске 9 октября 1922 г. путь Народно-революционной армии во Владивосток был открыт.

25 октября отряды НРА, приветствуемые трудящимися Владивостока, вступили в город.

В этот же день японские военные суда покинули Авачинскую бухту¹¹. Белогвардейцы лишились своих опекунов и вскоре тоже бежали с Камчатки.

Совместно с А. С. Якумом, заместителем министра народного хозяйства ДВР, М. И. Савченко разработал план экономической помощи Камчатке. Они предложили создать для этой цели специальную комиссию по камчатским делам. 1 ноября 1922 г. Дальбюро ЦК поручило члену Дальбюро Я. Д. Янсону организовать такую комиссию, пригласило в ее состав Савченко. Комиссия была создана 18 ноября 1922 г. при Дальревкоме. Савченко выступил на ее заседании с докладом «Камчатка и ближайшие задачи по отношению к ней государственной власти».

Дальбюро ЦК РКП(б) и Дальревком утвердили состав Камчатского губревкома во главе с М. И. Савченко. Заместителем председателя был назначен И. Е. Ларин.

Во второй половине 1923 г. Михаила Ивановича направляют в Москву, в распоряжение ЦК партии. В январе 1924 г. он — делегат II Всесоюзного съезда Советов. В этом же году поступил в Ленинградский политехнический институт, по окончании которого был назначен директором большого завода, а в 1932 г. по совместительству — директором Ленинградского института пирометрии. Последнее время работал старшим инженером одного из ленинградских заводов.

---

¹¹ ЦГА ВМФ СССР, ф. р-1293, оп. 1, д. 42, л. 109.

В дни празднования 50-летия Советской власти персональный пенсионер союзного значения Михаил Иванович Савченко был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Иван Емельянович Ларин прожил на Камчатке до 1931 г., все это время работал заместителем председателя губревкома, окрревкома, окрисполкома, был председателем окружной партийной контрольной комиссии.

В 1931 г. его направили на учебу во Всесоюзную плановую академию. По окончании ее работал в Карелии, в Коми АССР. Был организатором Печоро-Илычевского заповедника. Работал в Красноярском заповеднике.

В 1957 г., когда страна отмечала 40-летие Великой Октябрьской социалистической революции, Ларин вместе со своим товарищем по оружию, бывшим начальником камчатской милиции Николаем Павловичем Фроловым приезжал на празднование этого юбилея в Петропавловск.

К 50-летию Советской власти Ларин был награжден орденом Красного Знамени. Сейчас персональный пенсионер Иван Емельянович Ларин живет под Москвой, в Академгородке.

Антон Савельевич Топорков после гражданской войны работал на Дальнем Востоке в милиции и прокуратуре. Учился в Институте красной профессуры, затем принимал участие в коллективизации на Украине, был на партийной и советской работе.

В годы Великой Отечественной войны Антон Савельевич в рядах Советской Армии громил гитлеровских захватчиков. Сейчас он на заслуженном отдыхе, персональный пенсионер союзного значения. Живет в городе Богуславе Киевской области. К 50-летию Советской власти награжден орденом Ленина.

В 1965 г. Топорков был приглашен на празднование 225-летия Петропавловска. Петропавловский городской Совет избрал его почетным гражданином города.

Когда-то он расставался с городом нищим, голодным, безграмотным, а теперь встретился с крупным экономическим, административно-культурным центром.

Нужна была революция, нужна была Коммунистическая партия, ее идеи, ее люди, чтобы совершить все это.

Уполномоченный ЦК

В канун 50-летия Советской власти во Владивостоке проходила работа юбилейной сессии Академии наук СССР. Стало традицией, что на таких сессиях, конференциях историков обычно присутствуют и ветераны гражданской войны и социалистического строительства. Внимательно слушают они, как исследуют историки то, что они делали.

Среди ветеранов особенно выделялся седой мужчина почтенного уже возраста. Мне было известно, что он прилетел из Москвы в город, где не был 43 года, еще со времен гражданской войны. Это был Александр Семенович Якум, старый большевик, участник трех революций, один из славной когорты латышей-революционеров. На всех участках работы, куда посылала его партия в годы гражданской войны, он работал честно, добросовестно и самоотверженно, готов был выполнить любое партийное поручение.

В свободное от заседаний время мы гуляли по Владивостоку, и я пользовался случаем, чтобы подробнее расспросить его о днях гражданской войны.

На набережной бухты Золотой Рог мы подошли к

тому месту, где на приколе стоял мемориальный корабль «Красный вымпел». До революции он был яхтой камчатского губернатора, назывался «Адмирал Завойко».

В кают-компании корабля Якума уже ждали ветераны гражданской войны, экскурсоводы, историки. Якум знакомится с собравшимися.

Директор Военно-исторического музея Краснознаменного Тихоокеанского флота Дмитрий Иванович Приходько начинает беседу.

— Товарищи, у нас на корабле сейчас находится дорогой гость, жизнь которого тесно связана с историей гражданской войны в Приморье, с историей корабля «Красный вымпел», — Александр Семенович Якум. Это он в 1921 г. возглавил героический рейс корабля на Камчатку и как уполномоченный ЦК партии проинструктировал камчатских коммунистов, как им нужно было действовать в сложной обстановке тех лет. Я думаю, Александр Семенович подробно расскажет нам об этом.

С чего начать? За плечами большой жизненный путь. Родился Александр Семенович 25 мая 1885 г. в Латвии, в Валкском уезде Земерской волости, в семье батрака Паэглиса. Мать его, по фамилии Якумс, работала швеей. Фамилия у Александра Семеновича матери, а исказил он ее на «Якум» сознательно в годы революционного подполья на допросе у жандармов, да так и оставил на всю жизнь.

Умерла мать, отец часто бывал в отъезде. Пришлось жить у тетки. С семи лет маленький Саша уже работал пастухом. Три с половиной года проучился в церковно-приходской школе в Мариенбурге. Осенью 1903 г. поступил торговым учеником в акционерное общество суконных фабрик в Риге.

Это было время, когда в России назревала буржуазно-демократическая революция. В эти годы Саша Якум и вступил в революционное движение.

Первый арест, побег. Уехал на Псковщину, в город Остров. Работал учеником приказчика, а затем приказчиком в магазине. Стал посещать социал-демократический кружок, в котором изучал материалы II съезда РСДРП.

В 1907 г. Якум был принят в партию, вскоре снова арестован и сослан в Вологодскую губернию. Но и от туда удалось бежать. Приехал в Петербург.

Так начался новый, очень важный в жизни Александра Семеновича этап: работа в аппарате ЦК партии. Это было осенью 1907 г. Якум — теперь уже не Якум, а Иван Семенович Семенов. Его устроили на работу секретарем союза торговых служащих. Отсюда и партийная кличка его стала «Секретарь».

Задания становились все сложнее и сложнее. Якума пригласили на явку ЦК и предложили работать в паспортном бюро, находящемся в Финляндии.

— Мне давали указания, какие паспорта изготовить, кому их передать — вспоминал Александр Семенович.

В подполье периода реакции было во много раз тяжелее, чем в предреволюционном подполье: теперь приходилось работать в условиях поражения революции. Скрываться от царских ищеек становилось все труднее.

Александр Семенович рассказывал, что ему дважды приходилось встречаться и разговаривать с Владимиром Ильичем Лениным.

...Однажды, петляя по глухим улицам Петербурга, Якум добрался до явки. Еще раз убедившись, что «хвоста» за собой не ведет, быстро вошел в подъезд.

На явке его ждал член ЦК партии. Видно было, что он очень озабочен.

— Товарищ Секретарь, вам дается особо секретное и важное задание. Требуется хороший паспорт для поездки за границу интеллигентному человеку лет сорока. Найдите такой паспорт.

На следующей явке Якум узнал, что паспорт предназначался В. И. Ленину.

За время работы в ЦК Александр Семенович стал таким ловким конспиратором, что жандармам никак не удавалось застать его врасплох. И только предательство провокатора снова привело на его след царских ищеек.

В 1910 г. царский суд постановил сослать Якума на Лену на вечное поселение с лишением всех прав и состояния, а ввиду склонности к побегам, установить строгий режим: заковать в кандалы.

Жил Александр Семенович в Киренске, работал у известных купцов Громовых. В 1916 г. организовал Ленский союз кооператоров. В Февральскую революцию Якум участвовал в аресте иркутского генерал-губернатора.

В сентябре 1917 г. Иркутский губпродком командиро-

вал Якума в Харбин для закупки продовольствия. С собой предстояло провезти 2 млн. рублей. Якум решил поехать без охраны, так как предыдущего уполномоченного, также направленного с деньгами в Харбин, охранники убили и скрылись.

В строгой тайне в гостиницу Якуму вечером были доставлены пакеты с деньгами. Он сам крепко перевязал их, обложив сверху учебниками. К одному из таких тюков привязал одеяло с подушкой. Утром ему привезли билет на поезд, прислали извозчика.

Пассажиров на перроне была тьма, каждое место в вагоне бралось с бою. Попросил одного старичка, провожавшего сына с женой:

— Папаша, посмотри, пожалуйста, за узлом, я сейчас, живо.

И — к вагону. Расталкивая всех своим миллионом, пролез в вагон, добрался до купе, сунул связку под столик и обратно. Ищет старика, а его нет. С трудом пробрался через толпу и вздохнул с облегчением: миллиончик его лежит на месте. Схватил узел. Все мысли о первой связке. На месте ли? Вот и купе: на месте. Теперь уже можно было падать в обморок. Очнулся, когда отливали пивом.

На вокзале в Харбине Якума встретил заместитель председателя закупочного комитета Якубов, коммунист, его старый знакомый.

— Ну наконец-то.

Продовольствие для Иркутской губернии было отправлено.

В 1918 г. Якум продолжал работу в Харбине. В период колчаковщины выполнял в Маньчжурии партийное задание — срывал поставки обмундирования Колчаку: 450 тысяч комплектов так и остались неотправленными.

Белогвардейцы бесновались, разыскивая виновных. Якум понял, что ему пора уходить. В конце 1919 г. он прибыл в Приморье. Подпольный партийный комитет направил Якума на работу в Центросоюз для усиления в нем коммунистической партийной прослойки.

После свержения колчаковской власти Якума назначили заместителем министра, а затем министром продовольствия и снабжения Приморского революционно-демократического правительства. Вот где ему особенно пригодилось знание торгового дела. Этим участком рабо-

ты он ведал и в Приморском областном управлении ДВР, которое возглавлял коммунист В. Г. Антонов.

Александр Семеновичу пришлось иметь дело с Гапановичем — руководителем камчатской областной делегации, прибывшей из Петропавловска. Одной из задач делегации было организовать снабжение Камчатки товарами и продовольствием, и Гапанович действовал в этом отношении энергично. Из-за недостатка товаров и продовольствия удалось выделить их небольшое количество, и только для Командорских островов. Отвезти планировалось на пароходе «Адмирал Завойко».

Агентам Госполитохраны (ГПО) Приморского областного управления стало известно, что Гапанович часто бывает у японского консула, ведет какие-то переговоры. Приморский обком партии сразу же телеграфировал об этом Петропавловскому укому, рекомендуя лишить Гапановича полномочий. Но по каким-то причинам это сделано не было. Вскоре стало известно, что Гапанович подкупил команду «Адмирала Завойко», вовлек ее в заговор.

Обстановка в Приморье в начале 1921 г. становилась все напряженнее. В области скопилось много белогвардейцев, выбитых Народно-революционной армией ДВР из Забайкалья. Обезвредить их мешали японцы, рассчитывавшие использовать этот сброд в своих целях.

И Антонов с Якумом думают, как быть с кораблем, как обезвредить заговорщиков. А что если передать корабль военно-морскому ведомству? Вряд ли кто из команды согласится служить на военном корабле. По рекомендации Приморского областного управления 21 апреля 1921 г. штаб Сибирской военной флотилии издал приказ, согласно которому «Адмирал Завойко» зачислялся в состав флотилии как посыльное судно второго ранга.

Расформировав старую команду «Адмирала Завойко», штаб флотилии укомплектовал экипаж матросами с разных судов. Командиром был назначен Александр Иванович Ключес, беспартийный, но патриотически настроенный русский офицер; комиссаром стал литовец Станислав Клеофасович Орловский. Уполномоченным Приморского областного управления на Камчатку Антонов назначил Якума.

22 апреля 1921 г. заместитель министра иностранных

дел ДВР, уполномоченный ЦК и Дальбюро ЦК РКП(б) И. С. Кожевников, находившийся в это время во Владивостоке, вызвал к себе Александра Семеновича.

— Из Москвы есть директива направить вас на Камчатку как политического уполномоченного. Из Читы по прямому проводу мне сообщили... Читайте...

Якум развернул листок с записью разговора: «Предложите Якуму поехать на Камчатку в качестве уполномоченного Центрального Комитета, уполномоченного Дальбюро ЦК, уполномоченного Приморского областного комитета партии и проинструктируйте его о целях и задачах».

— Вы, конечно, знаете, что автономисты затевают на Камчатке?

— Да, знаю,— ответил Якум.— Готовят переворот.

— Ну так вот. Пока не приедет в Петропавловск комиссар, назначенный Москвой, нужно проинструктировать коммунистов Камчатки, чтобы они этого не допустили. Главное, чтобы не вступали ни в какие соглашения с японцами. А если японцы будут делать предложения, отсылать их за разрешением в Москву. Нужно постоянно напоминать японцам, что Камчатка — это территория РСФСР. Отдельные соглашения, скажем покупка каких-нибудь товаров у американцев или японцев, конечно, допустимы, но это уже не соглашения, а торговые сделки.

Теперь по вопросу о власти. Власть остается такая, какая есть. Никаких новых законов не вводить, действовать по законам ДВР, по крайней мере до приезда комиссара, потому что положение, сами понимаете, тревожное. Значит, на Камчатке на всякий случай надо создать партизанские базы, подвезти на них оружие, боеприпасы, продовольствие. Необходимо напомнить камчатским коммунистам о бдительности. Задание, как видите, чрезвычайной важности.

Кожевников выдал Якуму удостоверение.

— Цель ясна. Действуйте, не ожидая инструкций,— сказал он на прощание.

...4 мая 1921 г. «Адмирал Завойко» вошел в живописный Авачинский залив. Не успели моряки бросить якорь, как увидели приближающуюся лодку. Спустили трап. На корабль поднялись Ларин, Савченко и Фролов. Лица у них были серьезные, встревоженные.

Первый же вопрос — о цели прибытия. Их проводили в каюту к Якуму.

— Буду говорить с вами, товарищи, откровенно, — сказал Александр Семенович. — Я не только уполномоченный Приморского областного управления, Приморского обкома партии, я уполномоченный и Центрального Комитета РКП(б). Вот мои документы. Знаете Якума?

Ларин засмеялся:

— Кума этого? Знаем. Все продовольствие не хотел давать нам.

«Обстановка вроде бы разрядилась, — вспоминает Якум, — но, вижу, смотрят с недоверием. Я рассказал тогда об аванюре Гапановича и о задании, которое я получил от имени ЦК. Ну, тут мы уже договорились обо всем. Оказывается, Ларин давно питал недоверие к Гапановичу, но не было фактов, которые бы разоблачили его».

10 мая в Петропавловске состоялось общее собрание горожан, на котором Якум выступил с докладом о положении в стране и на Дальнем Востоке, о политике Центра по отношению к Камчатке.

Из Петропавловска экспедиция Якума двинулась на Командоры. По пути заходили в Усть-Камчатск, выгрузили продовольствие. И здесь Якум выступал на общем собрании жителей с докладом о положении на Дальнем Востоке.

В селе Никольском Якум проинструктировал алеутских коммунистов, какой тактики они должны придерживаться в новой обстановке. Имперналисты Японии и США, несомненно, попытаются воспользоваться оторванностью островов от «материка», будут предлагать населению «помощь», подоплека которой в условиях гражданской войны и интервенции может быть только одна: стремление к отторжению островов от Советской России.

Как бы подтверждая слова Якума, на рейде перед Никольским появился броненосец «Ивами». А вскоре и японцы высадились на побережье. Якум заявил командиру броненосца резкий протест.

— Но мы пришли с совершенно мирными намерениями, — возразил ему самурай, хитро улыбаясь. — У алеутов не хватает одежды и продовольствия. Мы можем их снабдить.

— Этого не требуется. По просьбе Советского правительства мы привезли на острова все необходимое.

Выгрузив продовольствие, Якум принял у алеутов пушнину и выехал на остров Медный.

Японцы, воспользовавшись этим, вновь попытались вручить населению «подарки»: изношенную одежду, обувь... Но раньше они выкатили на берег бочки со спиртом. Переводчик прерывающимся от умиления голосом прокричал, что Ниппон угощает всех бесплатно.

Якум, выгрузив товары и продовольствие на острове Медном, 24 мая вернулся в Никольское. Пьяный угар уже подходил к концу. Уполномоченный снова собрал коммунистов.

— Так дальше дело не пойдет, товарищи,— сказал он. — Вы могли не допустить выгрузки этих «подарков», более решительно протестовать. Нужно еще раз поговорить с алеутами и как следует разъяснить им, что это за «подарки».

Был созван сельский сход, на котором коммунисты призвали алеутов вернуть японцам «подарки». Сход поддержал это предложение и принял резолюцию, в которой говорилось, что население островов не нуждается в японских подачках и просит забрать их обратно.

Раздосадованный командир «Ивами» телеграфировал в Петропавловск японскому консулу, что Якум «сделал крайне невыгодную пропаганду для Японии».

27 мая утром «Адмирал Завойко» вернулся в Петропавловск. Якум сообщил Ларину и Савченко, что продуктов на островах до следующей навигации не хватит. Туда нужно завезти еще и уголь.

Александр Семенович написал телеграмму В. Г. Антонову, в которой сообщал о результатах поездки на Командоры.

Заведующий радиостанцией, пробежав взглядом текст телеграммы, сообщил, что накануне, ночью, перехвачена радиограмма из Харбина в Читу от некоего Майофиса, сообщавшего, что во Владивостоке власть ДВР свергнута и образовалось белогвардейское правительство во главе с фабрикантом Спиридоном Меркуловым.

Якум, вернувшись на корабль, рассказал Ключусу о перевороте. Договорились, что во Владивосток возвращаться не будут, отправятся в один из нейтральных портов, например в Шанхай.

С Лариным и Савченко договорился пока не оповещать население о перевороте во Владивостоке. Пусть и японцы думают, что Якум и Ключсс ничего об этом не знают.

Японцы не заставили себя долго ждать. 30 мая на борт корабля прибыл японский офицер. Вызвав командира, он якобы в порядке любезности вручил ему копию телеграммы из Владивостока. В телеграмме Ключссу предлагалось немедленно возвратиться во Владивосток. Под телеграммой стояла подпись «Морское командование».

Обстановка была довольно комичной: и японский офицер, и Ключсс знали, что во Владивостоке переворот, но старались скрыть это друг от друга. Офицер поинтересовался, когда Ключсс собирается домой. Тот ответил, что на днях выйдет. Якум, присутствовавший при разговоре как официальный арендатор судна, заявил, что нужно еще доставить продовольствие на западное побережье Камчатки и уголь на Командоры.

— Хорошо,— сказал офицер,— я доложу командованию, но прошу подождать его ответ во избежание недопониманий.

Итак, японцы фактически запретили выход в море. Не считаться с их запретом было нельзя. Что же предпринять?

Решили придерживаться избранной тактики до конца. Раз нужно доставить уголь на Командоры, значит, нужно его грузить. В то же время было объявлено, что «Адмирал Завойко» принимает пассажиров, едущих на восточное побережье. Стали грузить продовольствие.

По рекомендации Якума Петропавловский уком и облнарревком приняли решение о подготовке партизанских баз. Наряду с продовольствием «Адмирал Завойко» должен был завезти в Калыгирь — одну из будущих партизанских баз — оружие. Вся эта работа велась, конечно, в глубокой тайне.

Время шло, а японцы молчали.

6 июня Ключссу с броненосца «Ивами» передали полученную на его имя телеграмму из Владивостока. В ней уже сообщалось, что «во Владивостоке произошла смена правительства», и за подписью начальника штаба флота Подъяпольского еще раз предлагалось: «не заканчивая операций, идти во Владивосток».

В связи с этим Петропавловский уком РКП(б) 6 июня 1921 г. постановил: «Пароход во Владивосток не возвращать. Для ремонта отбыть в Шанхай по выполнению секретных поручений комитета...»

Японцы продолжали безмолвствовать.

Александр Семенович зашел к своему знакомому кооператору Кочергину посоветоваться. Кочергин вдруг сказал:

— Есть идея. Нужно поговорить с Малэсом.

— Ну и что это даст?

— Как что? Ведь он здесь неофициальный представитель США.

Рэнэ Малэс был членом научной экспедиции, направленной на Камчатку в 1920 г. Шведским географическим обществом. Его связи с американцами свидетельствовали, что он интересовался и вопросами политики.

Кочергин хорошо знал шведа и пригласил его к себе в гости. За непринужденной беседой Якум пожаловался Малэсу, что японцы задерживают отправку угля на Командоры. Малэс пообещал:

— Хорошо. Я переговорю с японским консулом. Надеюсь, что разрешение на рейс будет дано.

На другой день опять встретились у Кочергина. Сдержанно улыбаясь, американский представитель сказал:

— Вопрос решен. Послезавтра можете сниматься с якоря.

Так американо-японские противоречия на Северо-Востоке помогли экспедиции преодолеть козни японцев.

9 июня в 19.40 «Адмирал Завойко» вышел из Авачинской губы. Через некоторое время все вдруг увидели, что их догоняет японский броненосец «Ивами».

— Как быть?—спросил Якума Ключс.

— Как шли, так и пойдём. Продолжайте высадку пассажиров на побережье.

Ключс ответил:

— Действительно, лучше не торопиться, идти средним ходом. Долго он так не выдержит. Ведь сущее мучение для такой махины каждый час делать остановки.

Скорость у «Адмирала Завойко» была 9 узлов, а у «Ивами» — 18—19. К тому же осадка у него большая, маневрировать труднее.

Так продолжалось до бухты Калыгирь, где должны были быть выгружены основные грузы. Там, обманув

бдительность «Ивами», смогли уйти протокой, которая в лоции не значилась. Пользуясь темнотой, обогнули броненосец и повернули на юг. Корабль удалось благополучно привести в Шанхай.

По прибытии в Шанхай появились новые заботы. Город наводнен белоэмигрантами. Корабль ДВР в китайском порту был у них как бельмо на глазу. Благодаря бдительности Якума своевременно приняли меры для сохранения корабля.

В конце 1921 г. Александр Семенович выехал в Читу. Там он был введен в состав Совета Министров ДВР, назначен заместителем министра народного хозяйства.

После гражданской войны Якум закончил Академию внешней торговли, работал в советских банках в Лондоне, Тегеране, был начальником Международного управления Наркомата связи, директором районных отделений Госбанка СССР в Москве. Он награжден двумя орденами Трудового Красного Знамени.

В 1967 г. Александр Семенович побывал в Петропавловске в качестве туриста.

Умер А. С. Якум 25 января 1977 года.

Председатель Совдепа

На протяжении нескольких лет мне приходилось разыскивать материалы по истории образования и деятельности Гижигинского уездного Совета рабочих, крестьянских и инородческих депутатов в различных архивах.

В первые годы Советской власти Гижига являлась центром территории, на которой сейчас находится большая часть Корякского национального округа.

В Центргосархиве РСФСР Дальнего Востока найдены протоколы первого Гижигинского уездного Совета, его переписка с Камчатским областным Советом. В телеграмме из Гижиги областному Совету от 31 марта 1918 г. конкретно указывалось время образования и состав Гижигинского Совета:

«24 марта на собрании Гижиги и окрестностей организован Совдепу. Председатель — Курилов, члены президиума — Брагин, Курилова, Домников, члены Совета — Баранов, Беломоин, Брагин, Волков, Душкин, Какоулин, Котельников, Красовский, Куркутский, Русанов, Попов...

Предсовдепу Курилов».

Однако по одним документальным материалам трудно было дать характеристику членам этого Совета, определить характер его деятельности. Архивные документы свидетельствовали, что председатель Совета Курилов Александр Антонович по профессии был учитель, до приезда в Гижигу работал в Петропавловске. В Гижигу был послан Камчатским областным комитетом общественной безопасности на должность уездного комиссара Временного правительства. А потом, когда был создан в Гижиге Совет, его избрали председателем Совета.

Как же так? Бывший комиссар Временного правительства становится председателем Совета? Мог ли он стать стойким защитником интересов трудящихся?

В Центргосархиве РСФСР Дальнего Востока сохранилось постановление большевистского Камчатского областного Совета от 17 мая 1918 г., в котором записано: «Сообщить Курилову, что областной Совет считает деятельность его полезной, ввиду чего просит остаться на занимаемой должности». Да и бывший председатель областного Совета Иван Емельянович Ларин вспоминал о Курилове как о человеке, преданном Советской власти.

Председатель Совета Александр Антонович Курилов родился 12 марта 1889 г. в местечке Веприк Полтавской губернии, в семье рабочего.

Трудно было в царское время сыну рабочего получить образование. «Можно составить целую повесть о том, как мальчишка из бедной рабочей семьи тянулся к знаниям,— вспоминает Курилов.— У нас семья была из 11 человек». С большими трудностями Александру Курилову все же удалось в 1910 г. закончить Белгородский учительский институт.

В революции 1905—1907 гг. непосредственного участия Курилов не принимал, но очень хорошо чувствовал ее пульс. Его брат, работавший слесарем на металлургическом заводе в Дружковке (Донбасс), часто приносил домой листовки РСДРП. Саша знал о существовании на заводе конспиративных партийных групп — эсдеков и эсеров, но в разнице между ними тогда не смог разобраться. Участвовал в митингах рабочих этого завода. Все это не могло не отложить отпечатка.

В 1913 г., работая учителем в городе Никольск-Уссурийске, Александр Антонович выступил однажды с антирелигиозной речью на похоронах своего товарища-учите-

ля, и по распоряжению генерал-губернатора Гондатти был выслан на Камчатку. Там и встретил Февральскую революцию.

Известие о Февральской революции в Гижиге было получено приблизительно 8—9 марта 1917 г. Директива из Петропавловска-на-Камчатке гласила, что гижигинцам необходимо избрать комитет общественной безопасности, который должен работать в контакте с уездным управлением до приезда уездного комиссара. Встал вопрос об организации комитета.

31 марта 1917 г. комитет был создан. Председателем его стал купец Адолин. Комитет наполовину состоял из зажиточных элементов. О том, какую политику пытался проводить Адолин, председатель Гижигинского комитета, видно из подписанного им воззвания к населению:

«От областного комиссара комитет получил телеграмму, в которой он просит убедить население, чтобы не было разных выступлений, то есть не было бы партий, чтобы не было разлада среди населения, не разрушать хода жизни. Будем жить, граждане, пока так, как будто никакой перемены не произошло...»

Областной комиссар и областной комитет не прочь были утвердить Адолина в должности уездного комиссара, но не решались игнорировать его черносотенное прошлое. Гижигинским уездным комиссаром был назначен инспектор Петропавловского высшего начального училища Александр Антонович Курилов. С прибытием уездного комиссара многие ждали перемен: купцы с опаской, трудящиеся с надеждой.

3 июля 1917 г. из Петропавловска вышел в сторону Гижиги пароход «Эривань». На борту его были Курилов с женой. 27 июля Александр Антонович прибыл в Гижигу. Сразу же начались перемены.

Комитет общественной безопасности был переизбран. Председателем его стал О. Н. Флетчер, по отзыву Курилова, «человек справедливый и почтенный по возрасту, пользовавшийся большим уважением граждан Гижиги». В комитет были избраны Курилов, его жена Елена Петровна и другие. «Большинство членов комитета общественной безопасности,— вспоминает Александр Антонович,— всегда защищали интересы трудового населения Гижиги. Домников (фельдшер), Брагин, Душкин, Ко-

тельников, Беломоин были преданы интересам трудящихся».

Соотношение сил в комитете, таким образом, существенно изменилось. Адолину и стоящим за его спиной купцам уже не удавалось навязывать комитету нужные им решения. Группа Васильева—Падерина, довольная ослаблением влияния в комитете своих конкурентов, первое время поддерживала Курилова и комитет.

Самым жгучим вопросом для населения Гижиги был вопрос продовольственный. Комиссар и комитет приняли меры для его урегулирования. 8 сентября 1917 г. была учреждена уездная продовольственная управа во главе с Куриловым. Чтобы помешать торговцам обманывать население, управа разработала прейскурант на все товары. 5 октября он был направлен торговцам.

В конце октября 1917 г. радиотелеграф принес в Гижигу известие о Великой Октябрьской социалистической революции. Но телеграммы были контрреволюционного содержания, представлявшие это великое событие в ложном свете.

— В Гижиге поворот к Советам начался, конечно, не сразу,— рассказывал Александр Антонович.— Сведения, хотя и скудные, о работе большевиков все же просачивались и в Гижигу.

В декабре проходили перевыборы Гижигинского комитета. Председателем его избрали бедняка А. И. Душкина, отстаивавшего интересы трудящихся. Комитет усилил борьбу с торговцами-спекулянтами.

Александр Антонович вспоминал: «С наступлением зимы купцы пытались тайно вывозить товары и продовольствие в стойбища, не желая продавать их населению по прейскуранту. Народ стал волноваться. Торговца Коха догнали и с позором вернули в Гижигу. На общем собрании постановили: за вывоз товаров воровским путем, за обман покупателей товары у Коха отобрать и сдать для продажи в продовольственный магазин».

Таким образом, в это время Гижигинский комитет фактически действовал уже, как Совет. 15 марта 1918 г. на сельском сходе обсуждалась телеграмма Камчатского областного Совета, в которой Гижигинскому комитету предлагалось переименовать себя в Совет и руководствоваться в своей деятельности советскими законами. Было решено на следующем сходе, 24 марта, провести выбо-

ры в первый уездный Совет рабочих, крестьянских и инородческих депутатов с участием представителей ближайших окрестностей Гижиги.

Согласно директиве из Петропавловска Курилов должен был прекратить свою деятельность как комиссар бывшего Временного правительства. Гижигинские купцы встретили это сообщение восторженно. Выборы в Совет они решили использовать таким образом, чтобы ввести туда своих людей. На радостях купцы перепились и орали:

— Долой комиссара! Даешь Советскую власть!

— Я за Советскую власть! — кричал на сходе чиновник Савинский. — Я с молоком матери всосал Советскую власть!

24 марта состоялись выборы в первый Гижигинский Совет. Это были первые выборы и первый настоящий Совет на территории нынешнего Корякского национального округа (сейчас Гижига находится в составе Магаданской области). Результаты этих выборов были знаменательны: ни один из купцов в Совет не прошел. До революции трудовое население Гижиги и уезда, обираемое купцами, постоянно находилось от них в экономической зависимости. И все же купцы не могли повлиять на исход выборов.

То единодушие, с которым была установлена здесь Советская власть, говорит о том, что трудящиеся сумели к этому времени уяснить себе, что эта власть единственная, которая сможет защитить их интересы. Много в этом направлении сделал Александр Антонович Курилов. Человек на первый взгляд мягкий, он, когда дело касалось защиты интересов трудящихся, становился непримиримым по отношению к эксплуататорам.

Гижигинский уездный Совдеп, по существу, продолжал ту же работу, что и комиссариат, вспоминал Курилов, но более жестоко боролся с купцами, проводил реквизицию товаров, отменил сбор ясака с аборигенов, устанавливал твердые цены на пушнину и на товары, ограничивал аппетиты торговцев вразвоз, запретил торговлю работникам радиостанции и почты, оказывал материальную помощь нуждающимся маломощным хозяйствам и т. п.

Купцы и чиновники, оставшись не у власти, развернули бешеную агитацию против советских работников и особенно против председателя Совета. В борьбе с ними

они не гнушались никакими средствами, подкупая неустойчивые элементы. На сходе 24 апреля 1918 г. они решили дать бой членам Совета. В каких только грехах не обвиняли они Курилова и его сторонников! Чиновник Савинский, избранный председателем собрания, выступил с претензией, что Совет в его нынешнем составе является незаконным органом, не имеет права управлять уездом, так как избран лишь жителями Гижиги и окрестных селений. Он предложил переизбрать Совет, пригласив на выборы представителей уезда. Купцы поддерживали его. Они надеялись, что представители малых народов не разберутся что к чему и провалят на выборах Курилова и других сторонников Советской власти.

Собрание постановило провести перевыборы уездного Совета 6 мая 1918 г. с участием представителей дальних селений и стойбищ. К этому сроку съехались в Гижигу представители всего уезда, в том числе коряки, эвены, чукчи. Сходы, состоявшиеся 6 и 7 мая, имели значение уездного съезда.

Открывая съезд, А. А. Курилов сделал отчет о своей работе в период комиссарства и о работе Совета. Он показал, что Совет защищает интересы трудящихся и, естественно, богачам это не нравится; но Совет и дальше будет продолжать эту политику.

Контрреволюционные элементы Гижиги убедились, что им не удастся воспользоваться «темнотой» коренного населения. Оно не поддавалось агитации купцов. Местные жители не хотели менять такого хорошего «комиссара», который часто помогал им продовольствием.

— Однако, мы за комиссара,— говорили они.

7 мая состоялись перевыборы уездного Совета. «Кандидатов избирали открыто по большинству голосов, а само голосование проходило тайно,— вспоминает А. А. Курилов.— На столе было поставлено несколько шапок-малахаев. Подходит гражданин и спрашивает:

— Котора шапка Душкина?

— Вот эта,— говорит ему комиссия.

Он опускает свернутую бумажку в эту шапку.

Так как все «инородцы» были поголовно неграмотны, им объяснили, что, если голосуешь «за», ставь на бумаге карандашом крест, а если против — ставь черточку. Несмотря на все ухищрения купцов, в результате голосования ни один из них и ни один чиновник не попал в де-

путаты». Торгаши и чиновники неистовствовали.

В этой обстановке очень кстати пришла телеграмма из областного центра. В радиোগрамме Камчатский областной Совет подробно сообщал порядок избрания в Совет, а также указывал меры, которые должны применяться по отношению к контрреволюционным элементам.

В напряженной тишине Курилов зачитал текст радиোগраммы:

«Сообщается циркулярно... для точного руководства и исполнения...»

Сделав ударение на последних словах, Курилов посмотрел в ряды, где сидели делегаты, и на «камчатку», где примостились так называемые цензовые элементы.

«...Полнота власти на местах передана Советам рабочих, крестьянских и батрацких депутатов. Комиссары Временного правительства упраздняются. В состав Советов не должны входить цензовые элементы: купцы, бывшие полицейские чины, жандармерия и состоявшие в союзе Михаила Архангела...»

Александр Антонович опять посмотрел в зал: все ли понятно? По-видимому, да. Все внимательно слушали. Лишь Адолин злобно хмыкнул, услышав о союзе Михаила Архангела, к которому имел прямое отношение.

Далее в радиোগрамме говорилось о необходимости избрания в Гижиге народного суда, милиции, обложения налогами имущих классов, продолжения работы продовольственного комитета под контролем Совета. Говорилось об отделении церкви от государства, о необходимости борьбы с контрреволюционными элементами.

Съезд бурно приветствовал радиোগрамму областного Совета. Купцы и их прихлебатели приуныли, не решаясь открыто выступить против Совета и его председателя.

В Петропавловск полетела ответная радиোগрамма: «На собрании 7 мая граждан Гижиги и представителей (уезда) в количестве 120 граждан выражено доверие уездному Совету и продкому. При перевыборах избран Семен Брагин.

Демократия победила! Телеграмма областного Совета № 236, пришедшая к концу собрания, завершила поражение буржуазии.

Спасибо за поддержку!

Председатель Совета Курилов.

Председатель продкома Брагин».

С развитием интервенции на Дальнем Востоке и прекращением деятельности Советов на «материке» вынужден был прекратить свою работу и Гижигинский Совет. Этого настоятельно требовала телеграфная директива белогвардейского Камчатского областного комитета, восстановленная в Петропавловске после переворота 12 июля 1918 г.

«По получении известия из Петропавловска о перевороте,— вспоминает А. А. Курилов,— купцы и чиновники вновь возликовали, а местное население и особенно «инородцы» растерялись, разводили руками и не понимали, что это за новый переворот... Купцы пытались меня и жену арестовать, но местные жители не позволили им это сделать».

21 июля в Гижиге был восстановлен комитет общественной безопасности. Власть перешла в руки зажиточных элементов.

Куриловы уехали во Владивосток, а оттуда возвратились в Петропавловск. Но в Петропавловске белогвардейское руководство областного комитета отказало им в предоставлении работы, квартиры. Пришлось возвращаться на «материк».

Александр Антонович работал учителем в Николаевске-на-Амуре, Благовещенске, учился в Читинском институте народного образования. В мае 1923 г. Дальревком послал его в Петропавловск заведовать губернским отделом народного образования. Поехал. В 1928—1933 гг. учился в Дальрыбвтузе, сменив профессию учителя на экономиста-плановика рыбной промышленности. Последнее время работал на Курильских островах, а с декабря 1958 г. ушел на пенсию. До последних дней жизни Александр Антонович был активным общественником, работал в ДОСААФ на оборонной работе.

В 1965 г. Александр Антонович Курилов умер. Но имя его навсегда увековечено в тех местах, где он боролся за установление Советской власти. Именем Курилова назвали одну из улиц поселка Эвенска — районного центра Северо-Эвенского района. А в поселке Гижига напротив здания Совета Александру Антоновичу установлен памятник.

Начальник Чукотки

В кабинет лаборатории истории Северо-Восточного комплексного научно-исследовательского института вошли несколько человек. Один из них представился:

— Мы с «Ленфильма». Работаем сейчас над кинофильмом «Начальник Чукотки». Слышали, что вы располагаете материалами о главном герое нашего фильма, уполномоченном Камчатского облисполкома на Чукотке Алексее Бычкове.

Деятельность Бычкова на Чукотке относится к 1920—1922 годам, ко второму этапу гражданской войны на Дальнем Востоке. Мне не раз приходилось встречаться и беседовать с этим интересным человеком, записывать его воспоминания. В 1961 г. он скончался. Но жив другой товарищ, секретарь уполномоченного Рудых Гавриил Григорьевич. Он проживает в городе Нальчике. И его воспоминания тоже записаны. Их материалы с архивными документами послужили основой для этого очерка.

В комнату зашел высокий стройный парень в полувойенной форме.

— Знаешь что, Гаврила,— обратился он к сидевшему за столом товарищу,— поедem со мной на Чукотку.

Гаврила вопросительно взглянул на него, а его друг (это был, как вы, очевидно, догадываетесь, Алексей Бычков) продолжал:

— Был я сейчас у Ларина. Он назначает меня уполномоченным облисполкома на Чукотке. Спросил меня, кого бы хотел взять с собой в качестве секретаря. Я сказал, что Рудых. Как ты смотришь на это?

— Как смотрю? — Рудых усмехнулся.— Ну и задал ты мне задачу! Что хоть за жизнь там сейчас, на Чукотке, что нам делать придется?

— Что там за жизнь, я сам не знаю. Знаю только, что нам нужно сменить в Уэлене колчаковского управляющего Чукотским уездом Хренова, отправить его сюда под арестом, а самим остаться там, организовать Управление уполномоченного облисполкома, которое будет временным местным органом народно-революционной власти. Что там делать конкретно — нам все подробно распишут. Ну?

Гавриил Григорьевич Рудых вспоминает: «Я подумал, что интересно все-таки побывать на Крайнем Севере, за Полярным кругом. Парень я был еще молодой, 22 года. Романтика взяла свое. Согласился».

Бычкову поручалось также проинформировать Анадырский исполком о сути новой политики на Дальнем Востоке, проводимой коммунистами в условиях курса на «буфер».

— Объясни там товарищам,— говорил ему Ларин,— что Приморская земская управа, которую мы признали как правительство, пользуется поддержкой Далькрайкома партии и без его поддержки не просуществовала бы и минуты. Это — ширма для иностранцев. В телеграмме этого ведь не передашь.

Объясни анадырцам, что Центр рекомендует нам временно воздержаться от восстановления Советской власти. Очень сложная международная обстановка. Но и торгашам власть тоже нельзя передавать. И еще: если будут встречаться в пути коммунисты-одиночки, может так случиться, проинструктируй и их.

Союз Камчатских кооперативов отпустил двадцать

мешков муки, четыре цибика кирпичного чаю (в цибике по 80 кирпичей), несколько мешков сахару. Запасы Союза кооперативов были небольшие, больше дать не могли. Это — и на содержание работников управления, и для продажи населению.

Сборы в дорогу были короткие, по-солдатски. 27 июля 1920 г. пароход «Томск» уже увозил их к месту службы.

10 августа «Томск» встал на рейде в Анадырском лимане. Слева на берегу, на низкой галечной косе, приютилось несколько захудалых домиков, чуть дальше, на склоне небольшой сопки, вздымались ввысь две высокие металлические мачты антенн местной радиостанции.

Спустили катер, и вскоре все пассажиры оказались на берегу. Полгода назад торговцы Анадыря организовали контрреволюционный переворот, члены ревкома были расстреляны. Боясь возмездия, с открытием навигации организаторы переворота стали разбегаться. 1 августа в Анадыре был избран уездный исполком во главе с большевистски настроенным матросом Гавриилом Шошиным. Нужно было помочь исполкому провести следствие.

«В разговорах с местным населением от пережитых волнений чувствовалась сильная нервозность людей, запуганность населения, — вспоминает Г. Г. Рудых. — Люди боялись говорить. Некоторые, наоборот, охотно рассказывали трагедию расстрела со слезами на глазах. Разобравшись и установив виновных, произвели аресты участников расстрела. Некоторые из них успели скрыться до прихода парохода. В аресте убийц Мандрикова мы с Бычковым принимали непосредственное участие».

Бычков проинформировал членов Анадырского исполкома о положении на Дальнем Востоке, на Камчатке, о позиции облисполкома по отношению к Приморскому правительству. Тем временем с парохода отгрузили продовольствие, и 16 августа «Томск» вышел в море, держа курс на Чукотский полуостров.

Алексею Бычкову в это время было 23 года. Немного вроде еще прожил на свете, а прошел всю Россию. В 1916 г. был призван на военную службу и послан в Петропавловск. После Февральской революции солдаты избрали Бычкова в командный комитет. Вместе с Лариным и Олейником организовывал первый Совет в Петропавловске. Стал членом этого Совета. После июльско-

го переворота 1918 г. многих советских работников арестовали, а Алексей, не входивший в последний состав Совета, остался на свободе.

Наступили мрачные дни колчаковщины.

Из Владивостока в это время приехали два коммуниста — Марк Петрович Воловников и Василий Николаевич Холодов. С ними был левый эсер Петр Сергеевич Маловечкин. Он хотя и эсер, но из рабочих, в 1920 г. стал коммунистом. Товарищи эти были командированы Союзом Приамурских кооперативов. Кооперация использовалась ими как один из легальных органов для борьбы с колчаковцами.

Однажды Воловников сказал Бычкову:

— А ведь пора бы снова браться за работу. Пора поднимать народ на борьбу с колчаковцами.

— Да, но с чего начнем?

— Поступай к нам на работу в кооперацию, что-нибудь придумаем.

И Алексей стал кооперативным работником. Тесный контакт с населением позволял хорошо знать его настроения, оказывать на него влияние.

Колчаковцы решили организовать из местного населения воинскую часть. В армию были мобилизованы также Воловников и Бычков. Известный партийный циркуляр № 220 от декабря 1918 г. предписывал коммунистам вступать в белогвардейскую армию, чтобы взорвать ее изнутри. Так понимали свою задачу и камчатские коммунисты.

В октябре 1919 г. Маловечкин организовал в Петропавловске подпольный ревком. Вошли в него самые преданные сторонники Советской власти: Алексей Михайлович Бычков, Иван Филиппович Черепанов, Гавриил Григорьевич Рудых. Ревкомовцы стали готовить свержение колчаковской власти.

Но в Петропавловске, где все жители знали друг друга в лицо, трудно было конспирироваться. И вскоре белогвардейцы арестовали Маловечкина. Бычков успел скрыться. Колчаковцы все же узнали, где он скрывается, и арестовали его. Но последний пароход из Петропавловска уже ушел, выслать Бычкова было невозможно.

В арестном доме Бычков сидел вместе с Маловечкиным. Арестованных часто навещал Рудых. Вместе они обдумывали план антиколчаковского переворота.

В конце декабря 1919 г. Бычкова освободили из-под ареста, а Маловечкину угрожал расстрел. Подпольный ревком решил ускорить переворот. Договорились выступать в ночь с 9 на 10 января 1920 г.

Бычков и Рудых накануне переворота предупредили наиболее проверенных солдат, чтобы при первом сигнале они прежде всего бросались к пирамидам винтовок.

Восстание прошло по намеченному плану.

Наутро жители Петропавловска узнали, что колчаковская власть пала. Был сформирован временный военно-революционный комитет во главе с Петром Маловечкиным. В военревком вошли наряду с другими Бычков и Рудых. Бычкова назначили также комендантом города.

...К Уэлену пароход «Томск» подойти не смог: в проливе несло большой лед. Остановились у поселка Дежнева-Кенискуна. Пока разгружали продовольствие и уголь, Бычков съездил на собаках в Уэлен. Он торопился до ухода парохода забрать Хренова, чтобы препроводить его на судно. Но того в поселке не оказалось.

— Ушел в тундру,— говорили чукчи.

Вечером Бычков вернулся в Дежнев.

Гавриил Григорьевич вспоминает:

«В то время Чукотское побережье от Анадыря до Чаунской губы было усеяно торговцами. Здесь и отечественные спекулянты, и иностранные. Все они безжалостно обирали чукчей, забирали за бесценок пушнину, китовый ус, моржовый клык.

Цены на товары и пушнину диктовали американцы, а торговцы вынуждены были соглашаться с установленными ценами, так как в противном случае они не получали бы товаров. Таким образом, американцы обирали торговцев, а торговцы, в свою очередь,— местное население: чукчей и эскимосов.

С первых дней нашего приезда в Уэлен мы начали знакомиться с населением, их бытом, методами охоты, их нуждами. Конечно, сразу бросалась в глаза отсталость населения. Школа не работала. Медицинской помощи по всему Чукотскому уезду не было никакой. Население жило в темных, без окон ярангах, которые освещались и отапливались жировыми лампами. Основное питание было — мясо тюленей, моржей, китов, часто в сыром виде. Много больных трахомой, а чесотка почти

у каждого. И голод, особенно в зимнее время, когда море покрыто сплошным льдом. Открытая вода в это время отсутствует, и охота на морского зверя бывает трудная, далеко от берега. Люди от голода ели моржовые шкуры, которыми покрывались яранги.

Первое время наше внимание было обращено на торговцев. Их обложили налогом. Мы стали платить за пушнину дороже, чем торговцы. Население охотно шло к нам производить обмен пушнины на товары. Торговцы вынуждены были покупать пушнину по нашим расценкам. Но нам очень не хватало для продажи ружей, пороха, патронов и других товаров первой необходимости.

Для борьбы с чесоткой открыли «медпункт». Медиком был я. Медикаментами служили горючая сера и тюлений жир, которых у нас было достаточно. Пациентов приходилось уговаривать, а иногда применять принудительное лечение. В скором времени население Уэлена почти полностью избавилось от этой неприятной болезни. А позже приезжали к нам лечиться даже из соседних селений.

Трудно было бороться с шаманами. Большое влияние на молодежь имели старики, которых невозможно было убедить в том, что шаманы приносят вред».

Верным помощником Бычкова и Рудых был чукча Тегрынкеу, который знал русский язык и исполнял обязанности переводчика. Он многое уже успел повидать на своем веку. Был в Сан-Франциско. По ложному обвинению арестовывался царскими властями, сидел в Петропавловском арестном доме. Через две недели выпустили, но выехать было нельзя, и он на зиму остался в Петропавловске.

Уэленский староста Гемалькот, человек, пользовавшийся большим уважением местных жителей, тоже действовал всегда в контакте с Бычковым, давал дельные советы, выполнял все распоряжения уполномоченного.

Приблизительно в декабре 1920 г. «торбасное радио» принесло в Уэлен весть: у мыса Сердце-Камень зазимовало норвежское экспедиционное судно «Мод». Многие местные жители-чукчи уже побывали на нем. Его хозяин, знаменитый полярный путешественник и исследователь Руал Амундсен, встречал их радушно.

«Каюта Амундсена представляла нечто вроде кабинета,— вспоминает Рудых.— На полках — множество

книг, в том числе и написанные самим хозяином. Рукописи, карты. Большое впечатление производил хорошо сервированный стол. Амундсен увлекался кулинарией и многие блюда готовил сам. Сейчас стол был заставлен ими в связи с рождественским праздником. Оформление венчал живописный торт с искусно выполненной фигуркой белого медведя. В него был воткнут норвежский флажок.

— А какой у вас теперь флаг? — спросил Амундсен.

— Красный, — ответил Бычков.

— Хорошо. Поставим сейчас здесь и красный флажок».

Амундсен рассказал гостям о задачах экспедиции, о научных исследованиях сотрудников Свердруп и Вистинга на Чукотке. Просил помочь приобрести на Колыме собак. Бычков обещал.

С открытием навигации Амундсен покинул морские воды Чукотки.

В конце апреля 1921 г. Анадырский уездный нарревком получил из Уэлена две телеграммы Бычкова для передачи в Петропавловск. В одной из телеграмм Бычков писал:

«Из царства вечных льдов и снега, освещаемого северным сиянием, приветствую вновь избранный комитет, желаю плодотворной работы на благо только трудящихся и эксплуатируемых масс. Объехал и ознакомился с уездом и его громадными ископаемыми богатствами. Глубоко верю и надеюсь, что нарревком, стоя на страже интересов трудящихся, приложит все усилия для недопущения сдачи частному капиталу в эксплуатацию народных богатств уезда.

Уполномоченный Чукотки Бычков».

В другой телеграмме Бычков просил прислать учителей и милиционеров, а также замену себе, так как его посылали на год.

Камчатский облнарревком в это время переживал большие трудности. Приморье захватили белые, Северо-Восток фактически был отрезан от Советской России. Не было продовольствия. Со дня на день ожидали прибытия из Владивостока карательной белогвардейской экспедиции. Только 22 июля 1921 г. облнарревком смог послать Бычкову ответное письмо.

«Областной комитет сообщает Вам, — писал в этом

1

2

3

1. И. Е. Ларин. Снимок 1922 г.
2. А. С. Топорков. (Из личного архива А. С. Топоркова)
3. М. И. Савченко. Снимок 20-х годов. (Фонды КОКМ)

1. П. Г. Ивашкин. Снимок периода Великой Отечественной войны. (Из личного архива П. Г. Ивашкина)

2. В. М. Чекмарев (Из личного архива В. И. Юхименко)

3. А. С. Якум. Снимок 1922 г. (Из личного архива А. С. Якума)

1

2

4. И. В. Рябиков. Снимок 1920 г. (Фонды ГАКО)

5. А. А. Курилов. Снимок 20-х годов. (Из личного архива П. А. Куриловой)

6. А. М. Бычков. Снимок 1958 г. (Из личного архива А. П. Бычковой)

3

4

5

6

1

2

3

1. Ф. И. Чубаров. Снимок 30-х годов. (Из личного архива Л. И. Чубаровой)

2. А. И. Козырин. Снимок 60-х годов

3. Г. Г. Рудых. Снимок 50-х годов. (Из личного архива Г. Г. Рудых)

4. Н. П. Фролов. Снимок 1921 г.
(Из личного архива Н. П. Фро-
лова)

5. М. П. Воловников. Снимок
1918 г. (Из личного архива
М. М. Свиридовой)

6. М. П. Вольский. Снимок 20-х
годов

4

5

6

1. А. Д. Чернов. Снимок 30-х годов. (Фонды КОКМ)

2. П. Г. Козлов. Снимок 20-х годов. (Из личного архива П. Г. Козлова)

1

2

3

3. Г. З. Кибизов. Снимок 20-х годов. (Из личного архива Р. А. Караевой)

4. Г. К. Кофейников. Снимок 60-х годов. (Из личного архива Е. И. Кофейниковой)

5. П. И. Дудко. Снимок 20-х годов. (Из личного архива А. Т. Якимова)

4

5

1

2

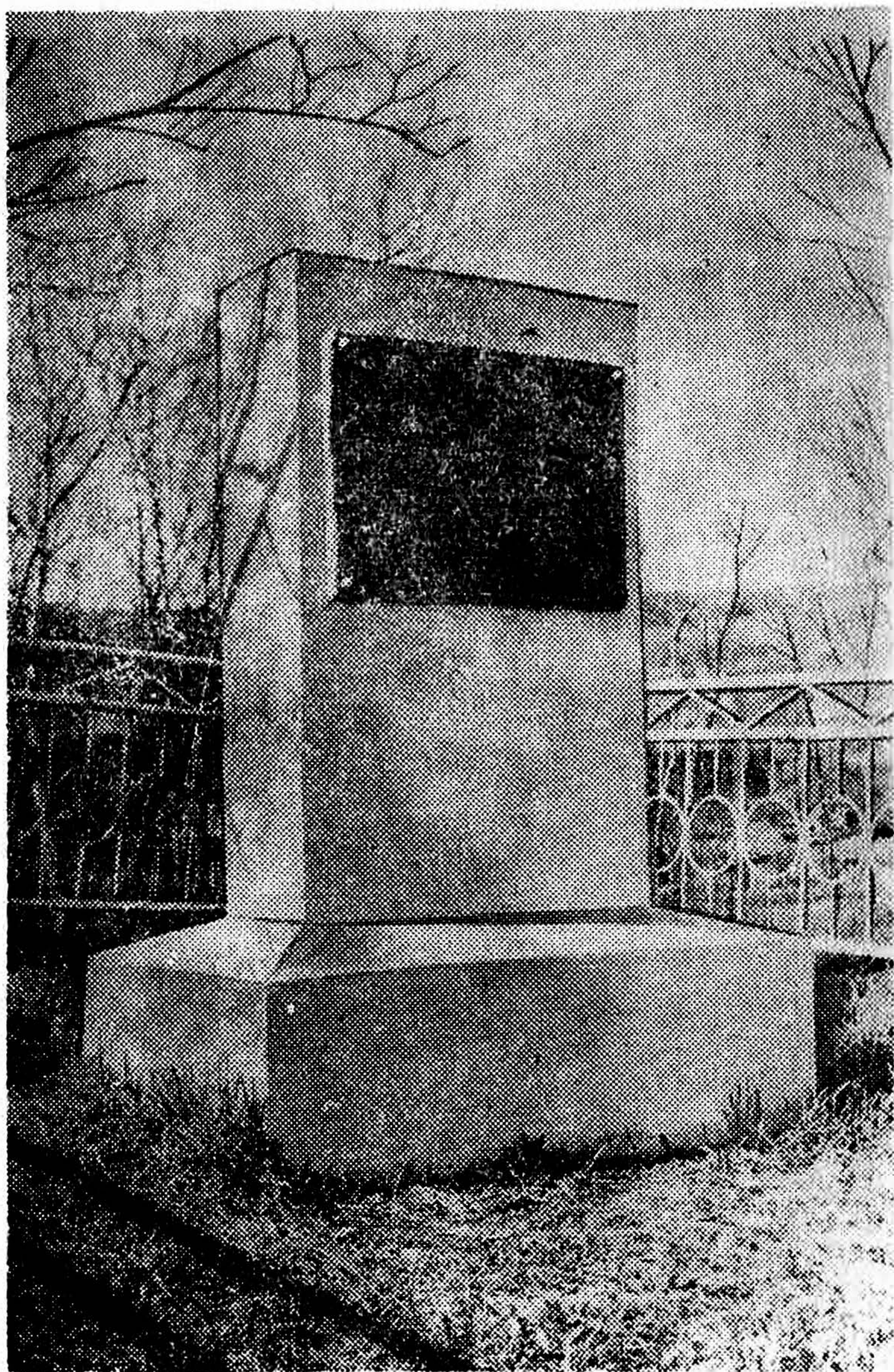

1. О. А. Картакай. Снимок периода гражданской войны. (Фонды ГАКО)

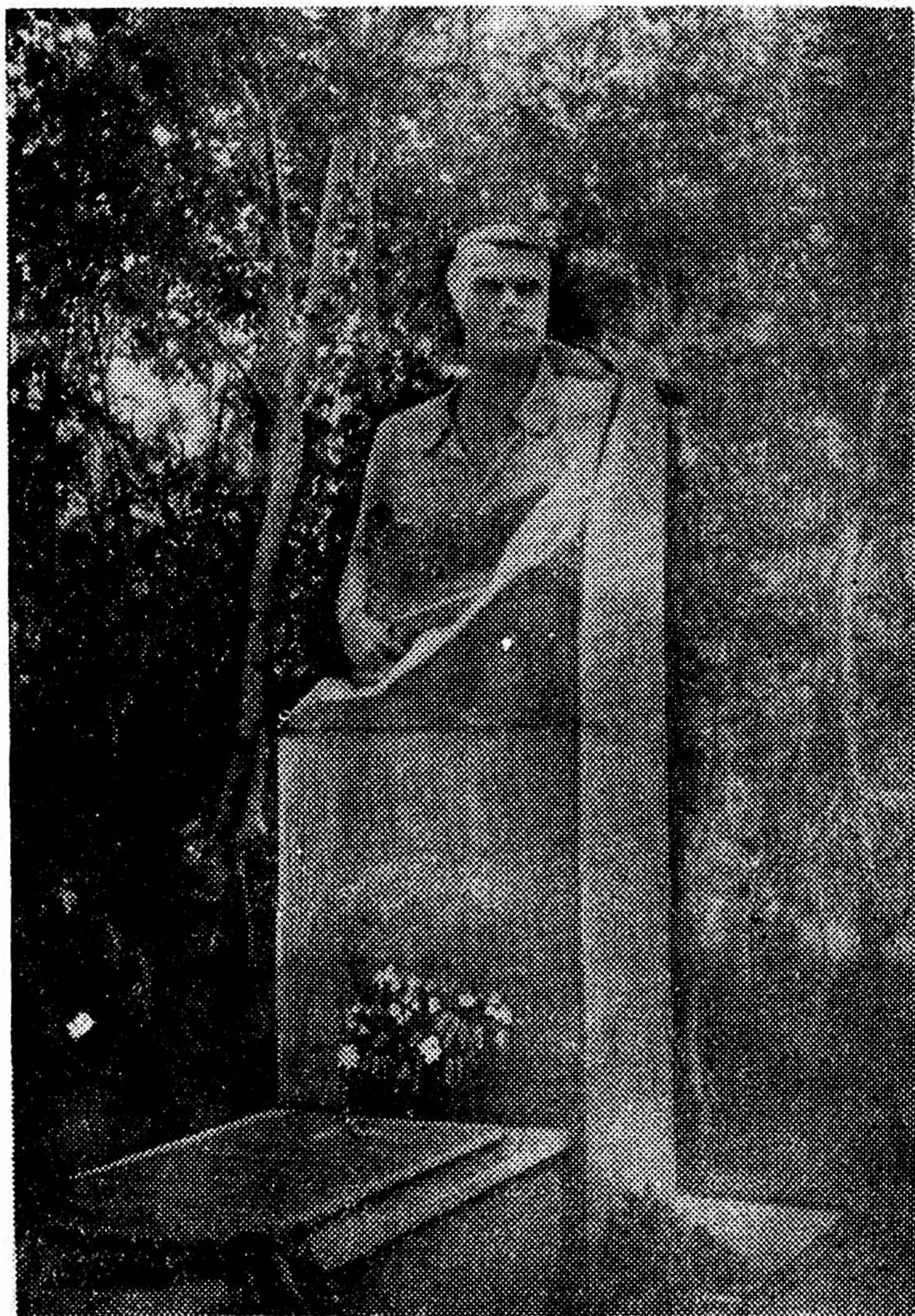
2. В. Д. Богомолов. Снимок 20-х годов. (Из личного архива П. Г. Ивашкина)

3. Памятник партизанам в Петропавловске, погибшим в районе сельскохозяйственной фермы 2 июня 1922 г. (Фонды ГАКО)

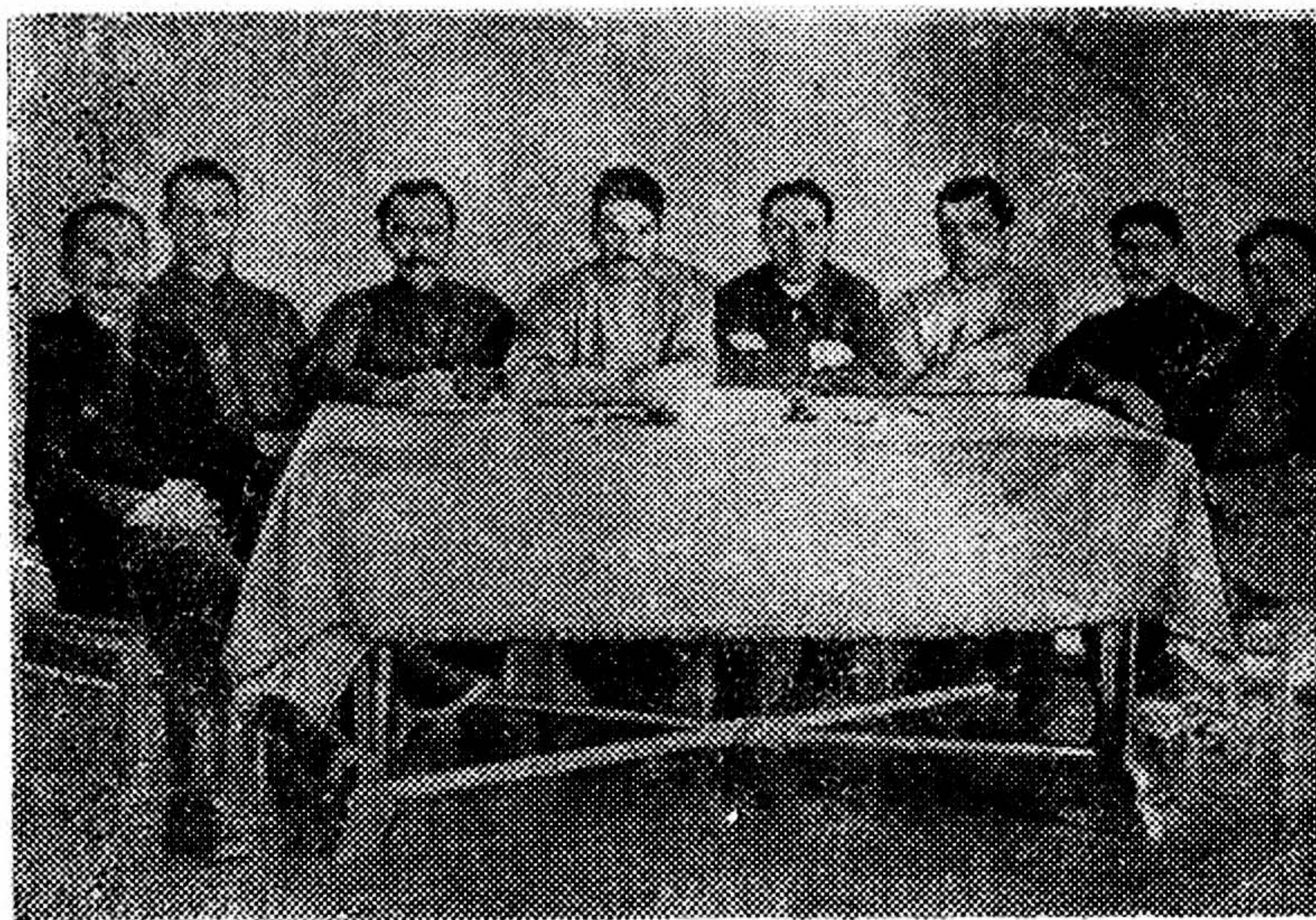

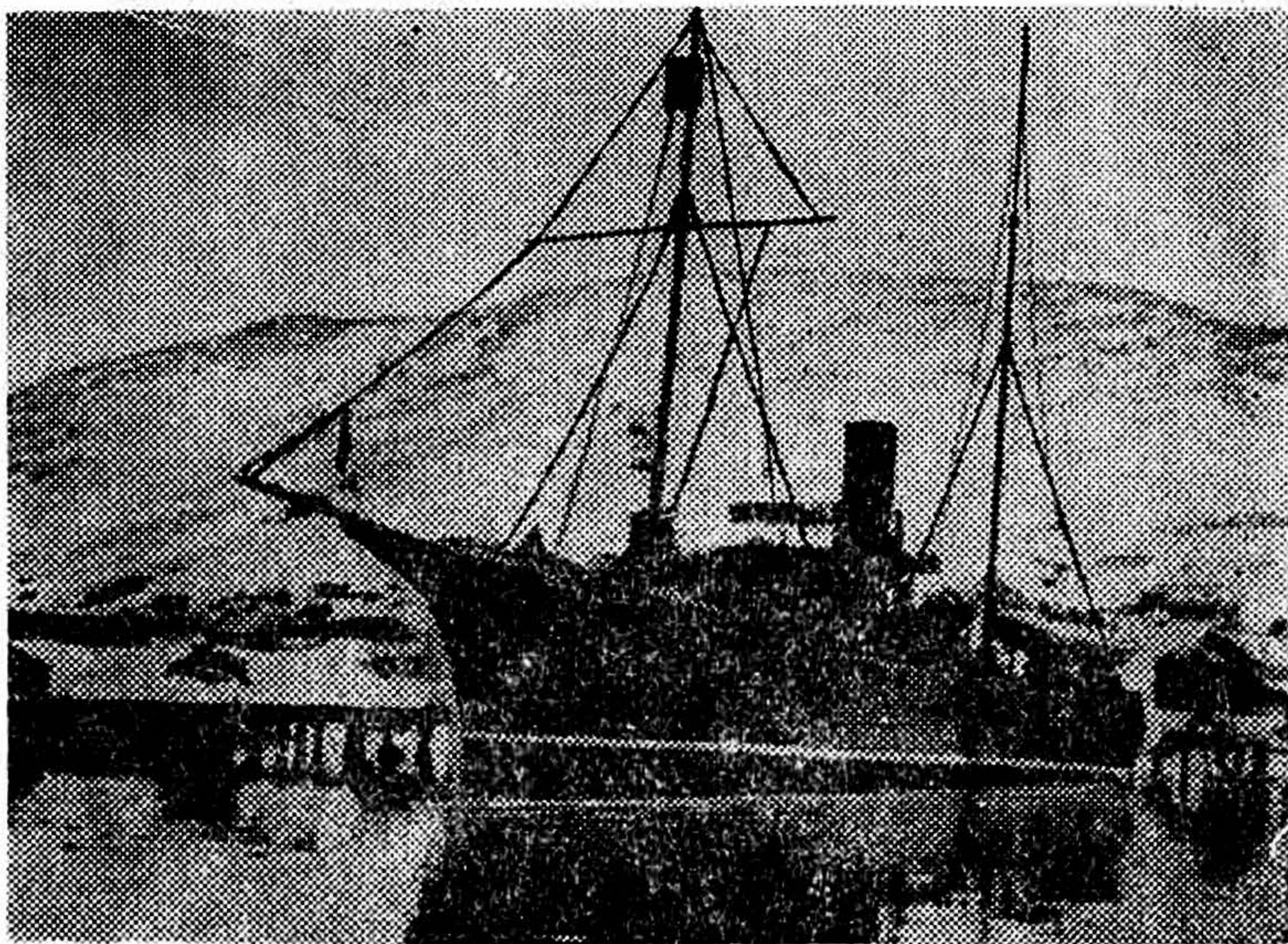
1. Памятник Г. М. Елизову в Паратунке

2. Члены Камчатского областного военно-революционного комитета (четвертый слева — П. С. Маловечкин). Январь 1920 г. (Фонды КОКМ)

2

1

1. Корабль «Адмирал Завойко» в Петропавловске у пристани. Снимок 20-х годов. (Из личного архива А. Д. Горюновой)

2. Грамота, выданная Камчатским окружным революционным комитетом М. И. Савченко

Т Р А К Т А Т

Красному партизану Камчатки, нещадно
щедру своей жизни в борьбе с врагами

Тов. *Владимир Владимирович Анисимов*
Самарин

В день Девятилетия Рабоче-Крестьянской
Красной Армии Камчатской Окружной Комитет,
оценивая твои заслуги перед революцией и тру-
дящимися в Камчатке и во всей революционной, вручает
тебе настоящую грамоту.

Революционный Комитет уверен, что на угро-
зы врагов ты исполнишь свои боевые дни пар-
тизанства и будешь готов идти в ряды Красной
Армии.

Будь готов к великим завоеваниям Октября!

Воронежская Камчатская Окружная
Революционная Комитет

Начальник

(Подпись)

1

2

1. Город Петропавловск. 1923 г. (Фонды КОКМ)
2. Красноармейцы Г. И. Чубарова в Хабаровске после демобилизации. 1923 г
3. Томичи-следопыты в Эвенске у памятника чубаровцам. Четвертый слева — бывший адъютант Чубарова П. Г. Козлов. 1973 г. (Из личного архива И. П. Черемпея)

✶ С. Топорков в Петропавловске среди моряков.
1966 г.

письме И. Е. Ларин,— что ходатайство Ваше о высылке Вам заместителя в текущую навигацию выполнить не представилось возможности вследствие того, что политическое положение вещей на Дальнем Востоке быстро меняется и что в данное время комитет не мог подыскать подходящего кандидата».

Иван Емельянович подробно охарактеризовал политическую обстановку на Дальнем Востоке, проинструктировал Бычкова, как необходимо действовать в отношении иностранных торговцев.

Бычкову и Рудых пришлось остаться на Чукотке еще на одну зиму.

После захвата бочкаревыми Охотского побережья и Петропавловска оживили свою деятельность и контрреволюционные элементы на Чукотке, особенно в Анадыре. В январе 1921 г. члены Анадырского уездного нарревкома вынуждены были уйти из Анадыря на север, в Уэлен.

«В апреле 1922 г.,— вспоминает Г. Г. Рудых,— в Уэлен приехали из Анадыря ревкомовцы: Рыбачук, Синицкий, Кривицын и другие. От них мы и узнали о событиях на Камчатке и Охотском побережье. Сведения были, конечно, общего характера, подробностей о положении на Дальнем Востоке никто не знал.

Возможность организовать местное население на борьбу с белогвардейцами была. Велась работа с чукчами, разъяснялось, кто такие бочкаревы, что они хотят, их грабительские намерения и т. п. Но при нас белогвардейцы в Чукотском уезде не появлялись, поэтому и мер по организации обороны не принималось.

Встал вопрос: оставаться ли на Чукотке на третью зиму или попытаться проехать через Америку в центр Советской России, чтобы известить наше правительство о положении на Чукотке.

Посоветовались с прибывшими из Анадыря ревкомовцами и решили избрать второе: ехать через Америку в Москву. Заместителем уполномоченного облнарревкома в Чукотском уезде оставить было некого. Товарищи, прибывшие из Анадыря, собирались продвигаться на Колыму...»

30 июля 1921 г. Алексей и Гаврила, забрав с собой все документы и собранные с торговцев деньги, на шхуне Свенсона выехали на Аляску, в Ном.

В Номе представители местной власти устроили им допрос.

— Вы начальник Чукотского уезда?

— Да, я начальник Чукотки,— ответил Алексей.

— Зачем приехали?

— Мы нуждаемся в медицинской помощи и просим у вас разрешения сойти на берег.

Бычков пошел на этот невинный обман, опасаясь, что, если заявить об истинной цели приезда сразу, американские власти могут и не разрешить проезд.

Посоветовавшись между собой, чиновники разрешили Алексею и Гавриле временно остановиться в Номе.

В городе оказалось много русских, работавших на золотых приисках Аляски. Встречались и с американскими рабочими. Они живо интересовались жизнью в Советской России. Но Алексей и Гаврила мало что могли рассказать. За два года работы в Уэлене они очень редко получали информацию о положении на «материке».

Нужно было ехать дальше. Из Номы на пароходе выехали в Сиэтл. Там — снова встречи с американскими рабочими, коммунистами. Быčkoва и Рудых пригласили на заседание подпольной коммунистической группы. Беседа проходила при затемненных окнах. Американские товарищи рассказывали, как трудно приходится работать коммунистам в США, о работе своей парторганизации, спрашивали о жизни в Советской России. И опять оказалось, что из газет и журналов они знали о Советской России больше, чем Алексей и Гаврила. У них были даже газеты «Правда» и «Известия». Алексей и Гаврила с жадностью набросились на них.

Американские коммунисты рекомендовали им при проезде через Нью-Йорк связаться с «Обществом технической помощи Советской России», которое ведало организацией групп эмигрантов, возвращавшихся в Советскую Россию.

«Из США на лайнере «Беренгария»,— вспоминает Г. Г. Рудых,— мы добрались сначала до Саутгемптона (Англия). Там в пароходной компании получили билет до Петрограда. Это был первый пассажирский пароход, идущий до Петрограда. Шли через Кильский канал с заходом в Данциг. И вот, наконец, пароход прибыл в Петроград. Мы снова ступили на русскую землю, ус-

лышали родную речь, увидели русских людей. Здесь я почувствовал всю притягательную силу Родины».

Первыми Быкова и Рудых встретили чекисты. Очень удивились, что они с Чукотки, обстоятельно обо всем расспросили.

В Москве в Наркомате внутренних дел Бычков дал полную информацию о положении на Чукотке. Деньги, собранные в виде налога с торговцев, сдал в Наркомфин.

Бычков остался в Москве, а Гаврила Рудых поехал в Иркутск: потянуло в родные места.

В 1930 г. Бычков по партмобилизации был направлен в деревню. До 1933 г. он участвовал в проведении коллективизации. Потом — снова работа в Москве. В марте 1942 г. был мобилизован на фронт и до конца Великой Отечественной войны участвовал в боях против гитлеровцев. После войны работал в Министерстве сельского хозяйства. Он продолжал работу в министерстве и будучи персональным пенсионером.

Имена Алексея Михайловича Быкова и Гавриила Григорьевича Рудых, самоотверженных борцов за власть Советов и активных участников социалистического строительства, навсегда останутся в памяти северян.

Воспоминания ветерана

В Новосибирске на проспекте Карла Маркса живет старый партизан Камчатки Петр Глебович Ивашкин. На Камчатке он был известен по своей подпольной фамилии Ларичев.

Каждый раз, проезжая через Новосибирск, я обязательно делаю остановку, чтобы побывать у Петра Глебовича, послушать, что нового расскажет старый партизан. Несмотря на свои 86 лет, он выглядел еще бодро, у него отличная память.

— Родился я в 1891 г. в деревне Новоселки, бывшей Понизовской волости, Мосальского уезда Калужской губернии,— рассказывает о себе Ивашкин.— Отец мой, плотник-отходник, приезжал домой один-два раза в год. Хозяйство вела мать.

В 1907 г. отец, находясь на Дальнем Востоке, приписался там на переселенческий участок в деревне Таборово Дальнереченского уезда. Наша семья переехала к нему, и с этого времени он стал заниматься сельским хозяйством.

Закончил я церковно-приходскую школу. Работал в Дальнереченске то библиотекарем, то конторщиком или

рассыльным в различных учреждениях, пока в 1915 г. не был мобилизован в армию.

На военной службе Петр Глебович был сначала в Иркутске, потом в Чите. Октябрьская революция застала его в городе Никольск-Уссурийске, где он служил в канцелярии воинского начальника писарем.

Известия о революционных событиях в центре страны первое время приходили самые противоречивые. Но благодаря разъяснительной работе местных большевиков завеса из тумана лжи постепенно рассеивалась. «Я помню срывание погон у офицеров, не желавших с ними расставаться; был сторонник этих действий,— вспоминает Петр Глебович.— Помню у нас, в команде писарей, по этому поводу оживленные дебаты, доходившие даже до кулаков. В это время я был твердым сторонником лозунга «Мир во что бы то ни стало», так как видел, что война окончательно ведет народ к разорению».

В конце ноября 1917 г. после увольнения со службы Петр Глебович Ивашкин уезжает в Дальнереченск к своим родителям.

В Дальнереченске до конца 1917 г. единственным органом власти уезда была земская управа. Рабочие составляли незначительную часть населения. Довольно сильной была прослойка зажиточных казаков, стоявших на антисоветских позициях.

Борьбу за установление Советской власти в уезде возглавили солдат-большевик из местного гарнизона Васильченко и вернувшийся с фронта солдат Андрей Татаринцев. С Татаринцевым Ивашкин был знаком еще по совместной службе в Иркутске. Они быстро нашли общий язык. Работая помощником секретаря Дальнереченской уездной земской управы, Петр Глебович знакомил Васильченко и Татаринцева с поступавшими в управу протоколами сельских сходов, требовавших установления власти Советов. Вскоре они совместно написали воззвание к трудящимся уезда, призывая их к борьбе за Советскую власть.

В январе 1918 г. по требованию революционно настроенных рабочих, солдат и крестьян был создан первый Дальнереченский Совет во главе с Татаринцевым. 1-й крестьянско-казачий съезд, состоявшийся 10 марта 1918 г., постановил лишить власти уездную земскую управу. Был избран новый состав Совета во главе с

учителем Евтихием Рябухой, секретарем и комиссаром труда Совета стал Ивашкин.

Летом 1918 г. началась фронтовая борьба с интервентами и белыми, закончившаяся временным поражением Советов. Ивашкин под фамилией Ларичев переходит на нелегальное положение.

В такой обстановке формировался Петр Глебович Ивашкин как революционер перед тем, как поехать на Камчатку.

В Петропавловск Ивашкин выехал летом 1920 г., уже после свержения колчаковской власти.

Его приняли в члены РКП(б) без прохождения кандидатского стажа. За короткий период пребывания на Камчатке Ивашкин своей работой так положительно зарекомендовал себя, что ни у кого не было сомнений принимать или не принимать.

Старый партизан Петр Глебович Ивашкин не раз вспоминал о днях борьбы с белыми на Камчатке:

— С приходом белогвардейской карательной экспедиции из Владивостока в Петропавловск члены обларревкома, коммунисты и беспартийные, милиционеры — всего 21 человек (11 коммунистов и 10 беспартийных) покинули город и раскинули свой лагерь недалеко от сельскохозяйственной фермы. Около двух недель мы прожили под городом Петропавловском, поддерживая связь с преданными нам лицами в городе и окрестностях. Мы узнали, что белобандиты выселили из Петропавловска во Владивосток около 25 человек, подозреваемых в большевизме.

Начинались заморозки, когда мы с «сидорками» за плечами, с винтовками или винчестерами в руках двинулись в сторону селения Налычево. Шли медвежьими тропами, обходя болота. Идти с непривычки было нелегко: котомки за плечами весили не менее двух-трех пудов.

По пути в Калыгирь остановились в селе Жупаново. На сельском сходе все мужское население села объявило себя мобилизованным в партизанский отряд. Большинство их выехали вместе с нами в Калыгирь.

Из Калыгиря партизаны двинулись в сторону Петропавловска, чтобы помешать белым продвинуться в глубь уезда.

В селении Налычево обларревком провел общее со-

бране жителей, после которого в отряд вступило еще четыре человека.

Подошли к Халактырке. В отряде было 40—45 человек. В феврале, о чем я уже упоминал, партизанами, вышедшими на Завойкинский тракт, был задержан белогвардейский подполковник Лукомский. Он ехал по заданию генерала Полякова реквизировать нарты у камчадалов Завойкинской волости, чтобы отправить на них солдат в глубь полуострова. При попытке к бегству Лукомский был убит.

Известие о захвате Лукомского партизанами заставило белых встревожиться. Пока партизаны были в Калыгире, белые в Петропавловске чувствовали себя спокойно и думали, что и дальше так будет: какое тут, на Камчатке, партизанское движение! Но когда первая же попытка проехать в глубь Камчатки кончилась для белых так плачевно, они забеспокоились, подняли тревогу: партизаны под городом! Нужно было принимать срочные меры.

Петр Глебович рассказывал, как в Халактырке был создан партизанский военный совет. В него вошли Савченко, Ларин и Фролов. 4 февраля отряд перебазировавшись в селение Авача. Военный совет постановил блокировать город Петропавловск, не пропускать белых в уезд. Михаил Иванович Савченко был назначен начальником партизанского штаба, а Николай Павлович Фролов — командующим.

С целью дальнейшего развития партизанской борьбы с белыми было решено созвать Петропавловский уездный съезд представителей населения. Для организации выборов делегатов на съезд на места были командированы партизаны: в Усть-Камчатский район — Лукашевский, в район Паратунки и Козыревска — Шлыгин, на западное побережье Камчатки, от Большерецка до Тигиля, — Щербаков и Морев.

Ларина, Ларичева (Ивашкина) и Елисеева командировали в селение Начики. Им поручалось использовать имеющиеся там средства связи для установления от имени обларревкома контакта с волостями Петропавловского уезда и, в частности, с посланными в уезд уполномоченными.

На созываемом съезде было разрешено также присутствовать с правом решающего голоса представителям

Анадырского и Охотского уездов В. М. Чекмареву¹ и М. П. Щербакову².

Из Авачи партизанский отряд перебазировался в район реки Крутоберегой по Завойкинскому тракту.

Съезд начал свою работу в Милькове в апреле 1922 г. На нем присутствовали представители одиннадцати волостей уезда. Это было значительным достижением: большинство населения поддерживало облнарревком, несмотря на нашествие белых банд.

Савченко написал Ларину свои соображения об организации работы съезда:

«1). Съезд должен одобрить все военные распоряжения облнарревкома и разрешить партизанскому отряду открыть военные действия против банд Меркулова, засевших в г. Петропавловске.

2). Съезд должен послать в город свою делегацию с требованием к городской Петропавловской думе и особоуполномоченному меркуловского правительства оставить город Петропавловск.

---

¹ Чекмарев В. М. (р. 1892) — один из руководителей борьбы за установление Советской власти в Пензе, Кустанае и в Камчатской области. Бывший матрос Балтийского флота, секретарь Пензенского губернского Совета крестьянских депутатов, председатель Кустанайского военно-революционного комитета. В 1918 г. после ранения приехал в Анадырь. В 1920—1921 гг. — секретарь Марковского волостного Совета, Анадырского уездного исполкома и нарревкома. В 1922 г. — командир партизанского отряда на Камчатке. После гражданской войны — на советской и хозяйственной работе на Чукотке. В настоящее время — персональный пенсионер союзного значения, живет в г. Рудном Кустанайской области.

² Щербаков М. П. (1896—1953) — член КПСС с 1921 г., активный участник борьбы за власть Советов на Охотском побережье и Камчатке. В 1917 г. — член Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов; в 1921 г. — член Охотского райкома РКП(б), член Охотской ревтройки, политкомиссар почтово-телеграфной конторы и радиостанции, председатель Охотского уездного правления профсоюза рабочих и служащих связи, секретарь Камчатского облнарревкома. Участвовал в партизанской борьбе с белогвардейцами. После гражданской войны — член Камчатского губревкома (заведующий отделом управления). 14 октября 1923 г. выехал во Владивосток. До марта 1924 г. — уполномоченный Дальневосточного округа связи, в 1924—1926 гг. — секретарь Никольск-Уссурийского уездного исполкома, в 1926—1930 гг. — член Сретенского окрисполкома. В 1930—1933 гг. учился в Дальрыбвтузе, после чего до 1939 г. работал заместителем управляющего Дальморзверпрома, Крабтреста. Затем работал на Украине (в Одессе) заместителем управляющего китобойной флотилией, был парторгом флотилии.

3). Съезд должен информировать японского и китайского консулов о принятых съездом решениях».

В этом плане и проходила работа съезда. Появилась необходимость перенести заседания в селение Завойко. Это имело тогда большое политическое значение: теперь съезд заседал чуть ли не под боком у белых, а они ничего не могли сделать, чтобы помешать ему.

Из Петропавловска в адрес меркуловского правительства полетела шифрованная телеграмма, в которой говорилось, что «Петропавловский район со всех сторон окружен красными, «Свирь» стоит без угля. Если правительство не примет решительных мер по оказанию помощи вооруженной силой, катастрофа неминуема».

25 апреля съезд рассмотрел вопрос «О посылке в город Петропавловск делегации». Избрали трех человек: председателя съезда Иллариона Васильевича Рябикова³ — делегата от Хайрюзовской волости, Г. П. Яковлева — делегата от Паратунской волости и Е. В. Попова — делегата от Ключевской волости.

29 апреля делегаты прибыли в Петропавловск и в первую очередь зашли в канцелярию городской управы. Договорились о созыве вечером этого дня заседания городской думы, на котором должен был быть заслушан ультиматум съезда. Но стоило делегатам выйти из здания городской управы, как они были схвачены белогвардейцами и заточены в плавучую тюрьму — на судно «Свирь».

3 мая на съезд вернулись его делегаты Попов и Яковлев, которые доложили, что белые отказались вести какие-либо переговоры, их отпустили, а товарища Рябикова оставили в качестве заложника за Лукомского. Как видно, белые не знали, что Лукомского уже нет в живых.

Съезд выразил резкий протест против такого отно-

---

³ И. В. Рябиков родился на станции Борзя Забайкальской железной дороги в семье рабочего железнодорожного депо. Окончил техническое училище. Участвовал в революционном движении, находился под надзором полиции. На Камчатку приехал в 1910 г. строить телеграфную линию. Был начальником почтового отделения. Организовал Тигильский кооператив, был его председателем. (См.: За власть Советов на Камчатке. Петропавловск-Камчатский, 1957, с. 126—128).

И. В. Рябиков погиб от рук белогвардейцев.

шения к его делегатам, потребовал освобождения Рябикова из-под ареста.

3 мая 1922 г. съезд откомандировал из с. Завойко П. Г. Ивашкина в ставку партизанского отряда в район Крутоберегово для выпуска газеты «Известия» облнарревкома. Там на машинке системы «Корона» Ивашкин печатал эту газету, выпуск которой имел большое значение: она информировала население о положении в области.

Передовую для первого номера газеты подготовил Савченко. «В непривычных и тяжелых для Камчатки условиях приходится возобновлять издание нашей газеты,— писалось в ней,— в то время, как г. Петропавловск уже полгода находится во власти сброда атамановщины, нахлынувшей из Владивостока и возглавляемой «особоуполномоченным» черносотенного «приамурского правительства» Биричем, в то время, как в области работает II Чрезвычайный Петропавловский уездный съезд».

В передовой указывалось, что съезд категорически потребовал удаления из пределов Камчатки прибывших сюда белогвардейцев, что белые не пожелали считаться с ультиматумом съезда.

«Таким образом,— писал Савченко,— создалось такое положение, при котором население всего уезда после того, как с ним не пожелали вести мирные переговоры, навязывают ему то, что он не желает, вынуждено вооружаться для ответа насилью непрошенных правителей вооруженным отпором, с полным сознанием своей правоты и верой в конечное торжество народной воли».

Съезд призвал трудящихся Камчатки развернуть борьбу с белыми бандами до полного изгнания их из области.

Ивашкин вспоминает о том, что 2 июня 1922 г. штаб партизанских отрядов решил начать наступление на город:

«Партизаны разделились на две группы. Первая группа под командованием товарища Фролова, с основными партизанскими силами до 30 человек, заняла сельскохозяйственную ферму, а человек 15 под командованием товарища Чекмарева пошли к радиостанции.

В эту ночь белобандиты, около 50 человек, кружным путем подошли к сельскохозяйственной ферме, незамет-

но для партизанского отряда сняли наших часовых — товарищей Бохняка и Войцешека, умертвили их и напали на наш партизанский отряд. Завязался неравный бой. В этом бою погибли еще два наших товарища: Давыдов и Тушканов Леонид».

Недалеко от этого места, в районе совхоза, погибшим партизанам установлен памятник.

Ивашкин помнит, как 8 июня партизанские отряды облнарревкома вновь предприняли попытку наступления на город:

«Когда партизаны стали спускаться с Никольской сопки к городу, с военных кораблей, стоявших в Авачинской бухте, высыпали с оружием в руках японские матросы. Чтобы не завязывать с ними боевых действий, наш партизанский отряд отступил...»

От захвата города партизанам пришлось отказаться, но покоя белым они не давали. Ивашкин вспоминает:

«В августе комендант города белобандит Поярков запретил пропускать в селения Петропавловского уезда продовольственные товары, желая восстановить население против партизанского отряда облнарревкома, действовавшего около Петропавловска. Партизаны решили уничтожить этого бандита.

Мы узнали, что комендант Поярков часто ходит в один из домов на Третьей улице. Начальник штаба партизанского отряда товарищ Фролов подобрал смелых партизан, умеющих метко стрелять, — Трухина, Пересвет-Солтана, Мандебуру. На операцию отправились ночью. Белобандит был убит наповал. Бойцы благополучно возвратились в отряд.

Белобандиты и мысли не могли допустить, что расстрел Пояркова — дело рук партизан. Думали, что его убил кто-то из своих. Мы не возражали. Нам было выгоднее, чтобы белобандиты думали, что у них и в самом Петропавловске есть враги».

Петр Глебович рассказывал, как погиб командир партизанского отряда Г. М. Елизов⁴, именем которого

---

⁴ Георгий Матвеевич Елизов родился в 1895 г. в Иркутске в семье служащего речного пароходства. Учился в городском училище. Вынужден был оставить учебу, работал в магазине, в различных частных конторах, на прииске. До 1917 г. служил в Николаевске-на-Амуре в крепостной артиллерии. В 1917—1918 гг. — член Николаевского исполкома. В период колчаковщины скрывался от

назван один из районных центров и район Камчатской области.

«В начале августа белые сделали налет на деревню Паратунку, рассчитывая захватить там жен партизан Ларина и Фролова. К деревне ночью подошли около 30 человек. В это время в Паратунке был отряд Елизова, которому поручили отправить Ларину и Фролову в Налычево. Все жители уже ушли из деревни, остались партизаны: вместе с паратунской молодежью 13 человек. Белых было больше, они сумели подойти незаметно. В завязавшейся перестрелке Георгия Матвеевича Елизова тяжело ранило разрывной пулей. На второй день он умер от заражения крови».

Не достигнув своей цели в Паратунке, белобандиты поспешно бежали в Петропавловск.

Под осень, вспоминает Ивашкин, белые предприняли еще налет на селение Начики. Они хотели захватить и уничтожить находившегося там члена облнарревкома М. П. Щербакова и телеграфиста А. Шустова, но и этот налет оказался неудачным. Товарищам удалось уйти.

С горечью рассказывал Петр Глебович, как зверски расправились белобандиты с народным избранником, председателем Петропавловского уездного съезда Илларионом Васильевичем Рябиковым: после долгих пыток они утопили его в бухте.

Окончательный разгром белых на Камчатке стал возможным лишь после ликвидации интервенции и белогвардейщины в Приморье. 10 ноября 1922 г. партизаны вошли в город Петропавловск.

В 1932 г. И. Е. Ларин напишет об Ивашкине: «Ивашкин П. Г. участвовал в боях, в разведках в качестве рядового бойца, одновременно выполняя работу в штабе красных партизанских отрядов и облнарревкоме, а также принимая активное участие в издании таежной газеты, техническое выполнение которой целиком ложилось на товарища Ивашкина.

Энергичный, дисциплинированный, подвижный, товарищ Ивашкин был любимцем партизан... Товарищ Иваш-

---

белых в тайге, уехал во Владивосток, оттуда — на Чукотку. В 1920—1921 гг. — активный участник борьбы за власть Советов в Анадырском уезде, с 1922 г. — участник партизанского движения на Камчатке (см.: Стельных М. П. Революция рядовой. — В кн: Памятники истории Колымы и Чукотки. Магадан, 1971, с. 61—64).

кин П. Г., безусловно, достоин, более чем кто-либо другой, почетного звания красного партизана...»

С момента отъезда Савченко на материк и до возвращения его с красноармейской экспедицией Вольского в Петропавловск Петр Глебович исполнял обязанности председателя Петропавловского уездного комитета РКП(б), затем стал секретарем Камчатского губревкома.

В 1923 г. он выехал в Приморье, работал в Дальнереченском уезде партии. С 1926 г. он снова в Петропавловске, руководит работой страховых касс. В 1932—1934 годы он учится в высшей профсоюзной школе. Переходит на постоянную профсоюзную работу. Участвовал в Великой Отечественной войне.

И сейчас, будучи на пенсии, Петр Глебович продолжает общественную работу в общественной комиссии Кировского райисполкома Новосибирска. Он ведет большую переписку с ветеранами борьбы за власть Советов на Камчатке, с историками, восстанавливая по крупицам страницы истории этой борьбы.

Из Владивостока к партизанам Камчатки

В истории гражданской войны на Дальнем Востоке видное место занимает участие в борьбе за власть Советов моряков Сибирской флотилии и Добровольного флота. Сразу же после Октябрьской революции транспорт «Шилка» был специально направлен в американский порт Сиэтл для установления интернациональной связи с рабочими США. Моряки привезли от них письмо В. И. Ленину и рабочим России с заверением, что американские рабочие окажут им поддержку в борьбе с международным империализмом.

Моряки участвовали в борьбе с белыми в составе красногвардейских отрядов на дальневосточных фронтах. В 1921 г. революционные моряки во Владивостоке из-под носа у белых увели в партизанскую бухту Ольга суда «Павел», «Амур», «Олег» и другие, участвовали в партизанской борьбе с белыми. Выше мы уже рассказывали о героизме экипажа революционного корабля «Адмирал Завойко».

По заданию большевистского подпольного комитета моряки-подпольщики проводили подрывную работу на

белогвардейских судах. О подробностях этой работы рассказывал мне старый большевик Георгий Кузьмич Кофейников, а недавно воспоминания, связанные с борьбой за власть Советов на Камчатке, я записал у А. И. Козырина.

После японо-белогвардейского переворота во Владивостоке 26—27 мая 1921 г. меркуловская белогвардейщина стала готовиться к распространению своей власти на территорию Приморья, Северо-Востока, рассчитывая в дальнейшем при помощи японских интервентов захватить весь Дальний Восток.

Большевики Владивостока, в свою очередь, стали готовить в городе восстание, чтобы помешать осуществлению белогвардейских планов. Революционным морякам Сибирской военной флотилии было рекомендовано, по возможности, оставаться на судах, чтобы попытаться захватить их.

В сентябре 1921 г. белогвардейская пресса стала широко рекламировать отправку в Камчатскую область карательной экспедиции Бочкарева. 16 сентября в «Вечерней газете» с интервью выступил есаул Бочкарев, заверив иностранных предпринимателей, что их коммерческие сделки на Северо-Востоке «в присутствии на полуострове наших частей будут проводиться в полной безопасности».

Подпольная большевистская организация предприняла попытку помешать отправке на Камчатку белогвардейских судов «Свирь» и «Кишинев». На «Свири» подрывную работу проводили товарищи В. М. Захаров, Столярчук, Г. К. Кофейников, Зимин, Нестеров и другие. Руководил ими коммунист Ф. П. Поносов. Действовали подпольщики и на «Кишиневе».

Как вспоминает Кофейников, им поручалось не полностью выводить суда из строя. Руководство большевистского подполья было уверено в успехе подготавливаемого восстания во Владивостоке, а поэтому ставилась задача и бочкаревскую экспедицию сорвать, и суда сохранить.

На другой день после выступления Бочкарева с интервью вахтенный офицер на «Свири» записал в судовом журнале: «...У циркуляционной машины был снят бугель эксцентрика... В носовом котле правой топки обнаружено два запальных стакана и две шашки пирок-

сила, о чем сейчас же было доложено командиру корабля...»

Владивостокская газета «Сумерки» 19 сентября 1921 г. сообщила: «...Экспедиция на Камчатку «Кишинева» и «Свири» вынуждена будет задержаться отправление, так как на обоих судах машины оказались повреждены — сняты золотники. Предполагают умышленный саботаж...»

Ремонт судов затянулся до 24 сентября.

В связи с уходом части кочегаров Бочкарев потребовал от управления флота прислать других.

Таким образом, появилась возможность внедрить на белогвардейские суда другую группу революционных моряков. В создавшейся обстановке трудно было уже вывести суда из строя во Владивостоке, но, может быть, такая возможность появится в пути?

На «Свирь» были посланы кочегары Павел Симончук, Леонид Тушканов. Председатель профсоюза тружеников морского транспорта Громов вызвал к себе кочегара Александра Козырина, последнее время работавшего на пароходе «Взрыватель».

Козырину шел восемнадцатый год, но он уже был известен среди моряков: в летние каникулы после учебы в гимназии он плавал на судах «Добрыня Никитич», «Казак Поярков», «Альфа» и других пять лет.

Летом 1921 г. матрос Козырин в знак солидарности с бастующими рабочими организовал забастовку на шхуне «Альфа». Белогвардейское руководство флота уволило с судна всю команду.

За два дня до вызова в правление профсоюз моряков поручил Козырину проводить освобожденного из-под белогвардейского ареста бывшего директора-распорядителя Добровольного флота Д. А. Лухманова с семьей на пароход, отходящий в Шанхай: его могли снова арестовать. Пароход стоял рядом с белогвардейским судном «Свирь». Прошли мимо двух часовых-белогвардейцев. Посадка на пароход прошла благополучно.

К бочкаревцам портовые рабочие и моряки относились с особенным отвращением и ненавистью. Это от их рук погибли любимцы владивостокского пролетариата Сергей Лазо, Всеволод Сибирцев, Алексей Луцкий, Петр Уткин и многие другие борцы за Советскую власть. Александр даже мысленно не мог представить себе, что

ему когда-нибудь придется работать на «Свири». Но в правлении профсоюза моряков Громов совершенно определенно сказал, что его направляют на «Свирь» кочегаром.

— На «Свирь», к контрам?!

Александр даже присвистнул от удивления.

— Да, на «Свирь»,— подтвердил Громов.— Нужно внедрить туда боевых моряков, молодежь для этого лучше всего подходит.

— Там кочегаров нехватает,— пояснил член правления Копылов.

— На «Свири» нужны свои люди. Вот тебя и посылаем,— продолжал Громов.

— А что я там должен делать?

— Смотри, наблюдай, действуй по обстановке, держи связь с коммунистами на берегу и судах. Когда будет нужно, получишь указания.

Александр еще некоторое время колебался. С какой стати он должен идти служить на белогвардейское судно, да еще с карательной экспедицией! Но его направляли старшие товарищи, преданные Советской власти люди. Значит, это нужно. А вдруг в пути представится возможность увести корабль, так, как увели несколько судов в бухту Ольга партизаны! Нужно будет как следует изучить личный состав команды, выявить сторонников Советской власти, создать подпольную революционную группу.

В пылком воображении юноши уже отчетливо возникала картина: он и его товарищи захватывают где-нибудь у побережья этот пароход, приводят его к партизанам. Но ведь и белые не дураки! Сам Бочкарев писал в газете, что большинство его отряда — офицеры военного времени, опытные каратели.

Громов отечески похлопал Александра по плечу:

— Да не бойся же! Ты совсем мальчишка, бочкаревы и не подумают ничего такого. Главным механиком на пароходе Бойко, поступишь в его распоряжение. Учти: он любит исполнительных моряков.

Не знал Козырин, что видит Громова последний раз. Пройдет немного времени, и белые схватят его, он погибнет в меркуловских застенках.

...Последний гудок, и «Свирь» стала медленно отходить от причала. За ней двинулся «Кишинев».

За кочегарами на судне был строгий глаз. Главный механик Бойко хорошо к ним относился, но было ясно, что он не сторонник Советской власти и за порядком на судне будет следить внимательно.

3 октября 1921 г. «Свирь» и «Кишинев» подошли к Охотску, остановившись у поселка Новое Устье.

Козырин уже знал, что сейчас в районе Охотска идет не на жизнь, а на смерть борьба охотских рабочих с белобандитами, засевшими в поселке Булгин. Банда Яныгина и Сентяпова посылала Меркулову письмо с просьбой о помощи, и вот эта помощь пришла.

Что-то сейчас будет!!!

На берегу у Нового Устья были видны люди. Они что-то кричали и махали руками. Бочкарев распорядился послать на берег шлюпку. В нее уселись 11 офицеров во главе с подполковником Лукомским.

Прошло больше двух часов в ожидании. Что происходит там, на берегу? Ждут белые, ждут Козырин и его товарищи.

Наконец, увидели, что шлюпка отвалила от берега и направилась к «Свири». На ней уже не 11, а 13 человек.

Лукомский первым поднялся по трапу. И он, и другие офицеры были очень возбуждены, радостно смеялись.

— Братцы, что было! — захлебываясь рассказывал офицерам Лукомский. — Еле ноги унесли! За всю германскую и гражданскую не попадал в такой переплет.

Оказывается, вся бочкаревская разведка попала в плен к красноармейцам Якутского отряда, прибывшего на помощь охотчанам. Командиры красных очень ловко выдали себя за яныгинцев, пригласили офицеров в избу, стали расспрашивать о составе экспедиции. Но что-то офицерам в их разговоре показалось неестественным. И Лукомский стал преувеличивать силы белых. На двух судах имелось всего лишь одно морское дальнобойное орудие, притом даже без снарядов, но подполковник умолчал об этом. Наоборот, значительно преувеличил вооружение. К Охотску подошли в это время пароходы «Взрыватель», «Тунгус», зафрахтованные промышленниками. Вместе со «Свирью» и «Кишиневым» они создавали впечатление целой эскадры.

Со стороны Булгина и Охотска вдруг началась перестрелка. Командиры красных вышли из избы, оставив

часовых. Отряду был отдан приказ отойти в тайгу. Лукомский, выглянув в окно, быстро оценил обстановку, понял, что красным сейчас не до него. По его сигналу офицеры навалились на часовых, связали их и потащили в шлюпку. Таким образом, им удалось вернуться на пароход да еще с пленными.

На радостях пленных не трогали. После допроса, через два дня, их послали в кочегарку работать подсобниками.

Только сейчас Козырин и его товарищи смогли как следует рассмотреть их. Один из них, парень 22 лет, назвал себя Петром Паненко, с Полтавщины. В частях Красной Армии с боями против белых прошел всю страну от Украины до Дальнего Востока. На Охотское побережье прибыл из Якутска в составе красноармейского отряда, посланного на помощь рабочим Охотска. Другой пленный, по фамилии Горенко, оказался из охотских горняков-золотодобытчиков. Он был мобилизован в отряд и служил в нем проводником.

Не взять бы белым Охотска, не прояви они хитрость. У Яныгина Бочкарев взял 45-миллиметровую пушку, установил ее на баке «Свири». Ночью капитан Поярков обстреливал из нее город, корректируя бой. Большого ущерба своими снарядами орудие это не могло нанести, но психологическое воздействие на защитников Охотска производило большое: они думали, что с минуты на минуту заговорят морские дальнобойные орудия.

За взятие Охотска Меркулов произвел Бочкарева в полковники.

На стоящем поблизости пароходе «Взрыватель» Бочкарев распорядился реквизировать все товары и продовольствие, годовой запас которых золотопромышленник привез своим рабочим. Рабочим устроили допрос. «Сомнительных» забрали на «Свирь». Так в кубрике у Козырина появились Меднис и Губанов. Михаил Губанов оказался питерским рабочим-металлистом. Козыринский актив рос.

Из Ини бочкаревцы привезли 11 человек, арестованных как сторонники Советской власти. Александр пробовал хоть как-то облегчить их участь. Попросил Бойко взять в кочегарку несколько человек. В кубрике появились еще два человека: старик Болотов с женой. А над остальными белые устроили зверскую расправу.

Это случилось во время перехода «Свири» в Петропавловск. Ночью Александр хотел выйти на палубу, но дорогу ему преградил казак:

— Подожди немного, с часок.

Масленщик Генка Севин (напарник Мишки Тушканова — двенадцатилетнего брата Леонида) полез открывать машинные люки, прикрытые брезентом. Было очень душно. Из-под брезента он услышал на палубе какую-то возню, крики. Выглянул и обмер: белые чем попало — шашками, прикладами, молотами — били жителей Ини и тут же выбрасывали их за борт. Кто-то пробовал цепляться за борт. Пьяный казак ударил шашкой по руке. Несчастный полетел в воду. Парнишка чуть сознания не лишился, потом с ужасом рассказывал об этом.

У Охотска ни угнать судно, ни испортить его оказалось невозможно: слишком зоркий был надзор. Бочкаревских солдат поместили в кубрике кочегаров еще во Владивостоке.

Подошли к Петропавловску. Бочкаревцы заняли город без боя. Местные жители рассказывали, что руководство облнарревкома, милиция, часть населения ушли в сопки.

Через день Козырин и его ребята увидели, как из-за сопки повалил густой дым. Что такое? Уж не извержение ли вулкана началось?

Оказывается, особоуполномоченный меркуловского правительства Бирич и генерал-майор Поляков распорядились поджечь стланник от Халактырки до Налычево, думая, что ушедшие из Петропавловска должны скрываться где-то здесь. Пожар стал угрожающим, потребовалось принять меры к его тушению. Вместе со всеми участвовал и Козырин. Он внимательно присматривался к местности, пытаясь сориентироваться на случай, если придется бежать от белых.

Но до февраля 1922 г. в городе было спокойно, и Александр уже стал подумывать: а могут ли быть вообще тут партизаны? И вдруг в начале февраля спокойствие белых было нарушено неприятным для них известием, что партизаны все же есть.

В городе был введен командантский час. обстановка стала напряженнее. Партизаны все чаще напоминали о себе: то в одном месте нападут на белых, то в другом.

В группе Козырина стало оживленнее. Он уже мог

ручаться, что в случае выступления против белых его могли поддержать до 20 человек. Даже бочкаревские солдаты, проживавшие в кубрике козыринцев, стали поддаваться агитации.

Приходилось объяснять, что органы ДВР не раз обращались к белогвардейцам с призывом прекратить борьбу против народно-революционной власти, что им была обещана амнистия.

Существовала реальная возможность организовать захват парохода, но увести его в море уже было невозможно: закрылась навигация.

Из кубрика козыринцев все чаще слышались революционные песни — «Интернационал», «Вихри враждебные» и другие. Такая смелость белым не казалась очень опасной, принималась за анархистский задор «морской шпаны». Лишь иногда в дверях кубрика показывалась фигура бородатого казака.

— Кончай Совдепию!—рявкал он.

Но когда в связи с нападениями партизан в городе ввели осадное положение, на кочегаров было обращено особое внимание, к машинной команде стали относиться строже. Ее перевели на военное положение. Вместе с военнослужащими кочегары теперь были обязаны являться на поверку, где их заставляли петь молитву.

На первой же поверке они показали себя «недисциплинированными».

— Спаси, господи, люди твоя... Благоверному нашему великому князю Михаилу Александровичу многие лета...— недружным хором пели солдаты.

Вдруг раздался голос офицера:

— Кто не пел? Два шага вперед.

Александр Козырин и Леонид Тушканов выступили.

— Почему не пели?

— У нас царя нет,— ответил Александр.

— Но есть его брат Михаил.

— Но он тоже отрекся от престола.

Офицер, не желая развивать конфликт при всех, сказал им:

— Ну, хорошо, мы с вами потом поговорим.

На следующую поверку их уже не вызывали. Начались аресты «неблагонадежных». Из кубрика кочегаров забрали несколько солдат.

За какой-то проступок одного из бочкаревых, Евге-

ева, наказали, дав ему 25 шомполов. Солдат вернулся в кубрик, плача от обиды.

Поручик Тезекин посмеялся над ним:

— Эх, ты! Ну что ты за солдат! Плачешь, как баба.

Солдат сорвался с места и отвесил поручику удар кулаком в грудь.

— Ну, ладно,— спокойно сказал Тезекин. Ушел в каюту и вернулся с винтовкой, прицелился в солдата. Козырин бросился к нему и вырвал винтовку. Тезекин доложил об этом старшему офицеру Маслову. Тот влетел в кубрик:

— Опять Совдепию разводите! Дисциплина будет или нет?!

Тучи над Козыриным и его товарищами еще более сгустились. Стали подумывать, что все срывается и пора уходить к партизанам. Раздобыли винтовку, гранаты.

Первым бежал Паненко. Его увела к партизанам знакомая алеутка Ага. Подал на увольнение Меднис. Его не пускали, но он доказывал, что как иностранного подданного (эстонца) его не имеют права задерживать. Ушел работать на маяк, а оттуда — к партизанам.

3 апреля 1922 г. старший офицер Маслов вызвал в строй солдат Козырина, Тушканова и Симончука. Симончук по болезни был в городе, Козырин и Тушканов явились. Им перед строем было объявлено: «За большевистскую агитацию и подготовку судовых команд к бунту матросы Александр Козырин, Леонид Тушканов и Павел Симончук по приказу адмирала Старка, а также особоуполномоченного временного приамурского правительства Бирича предаются военно-полевому суду».

Их не арестовали, отпустили в кубрик. Козырин и братья Тушкановы, воспользовавшись этим, стали готовиться к побегу.

Знакомые солдаты, стоявшие на вахте, не стали их задерживать. На Никольской сопке беглецы накинули на себя простыни и растворились в лунной ночи. По льду бухты они направились в сторону села Авача. Около села, в лесочке, разожгли костер, погрелись, немного вздремнули.

Утром двинулись в сторону Завойкинского тракта. Где-то в лесу прилегли на поленнице дров отдохнуть и через некоторое время заметили, что к ним приближается трое вооруженных людей.

Кто бы это мог быть? Александр предложил показаться из-за поленницы. Если это местные жители, пройдут мимо. Так и сделали. Те их заметили. Вдруг стали расходиться в стороны: один в середине, другие по бокам, сразу видно — фронтовики. Один кричит:

— А ну, выходи по одному.

Леонид вызвался пойти первым.

— Если партизаны, махну.

Подошел, поговорил с ними о чем-то. Потом замахал рукой: свои, мол. Это были партизаны Семенов, Глухарев и Федоров. Семенов потом говорил:

— Вы своими американскими ботинками так наследили в тайге, что не заметить вас было трудно.

Партизаны привели моряков в Крутоберегово. Там их радостно встретил Паненко, который уже освоился со своим новым положением.

Для Козырина и его товарищей началась новая жизнь, полная опасностей и лишений, но теперь уже среди своих. Партизаны были рады приходу моряков: каждый человек был на счету.

Во многих операциях против белых приходилось участвовать Александру Ивановичу. И везде он показывал образцы смелости, решительности, самоотверженности. Особенно это проявилось, когда он участвовал в морской экспедиции, направленной в Усть-Камчатск за оружием и для формирования партизанского отряда.

Отряд формировался в с. Калыгирь. В него включили 15 человек. Возглавил партизан охотник Тимофей Трухин, его помощником назначили Александра Козырина.

В Семячике на рыбалке реквизировали катер и направили на нем в Усть-Камчатск первую группу партизан — пять человек. А группа партизан во главе с Трухиным, как это было и раньше намечено, совершила налет на пароход «Томск», чтобы реквизировать недостающий катер. Операция была очень опасной. «Томск» шел из Анадыря, по пути заходя на рыбалки, забирая с собой рабочих и их уловы. По имеющимся сведениям, на «Томске» были вооруженные белогвардейцы и японцы. Успех операции зависел от хорошей разведки, от умения захватить судно врасплох.

Через пять дней на горизонте показался «Томск». Первым его увидел Александр Козырин, занявший наблюдательный пост на сопке. Партизаны приготовились

к встрече. Трухин предварительно уже договорился с рабочими, что погрузкой рыбы на пароход займутся партизаны.

Трухин и партизан Колесников первыми отправились в шлюпке на пароход. Командира партизан на пароходе знали многие как охотника-старожилу Камчатки. Он ввязался там в «пьянку» со знакомыми, заночевал, а наутро уже очень хорошо представлял себе обстановку. Да, предположения партизан оказались правильными. Действовать нужно быстро и решительно. К тому же из разговора с пассажирами выяснилось, что у Чажминского мыса погибал какой-то катер. Уж не партизанский ли? Нужно спешить на выручку.

Целый день партизаны грузили рыбу на пароход. Когда разгрузили последний кунгас, поднялись на палубу «покурить» и сразу захватили намеченные посты. Возник слух, что отряд партизан около 60 человек захватил пароход. Пассажиры бросились к своим вещам.

По плану нападения Козырин бросился к радиорубке и отстранил от работы радиста. Где-то поблизости находились военные суда, их могли вызвать по радио.

Кочегар попытался закрыть железную дверь, ведущую вниз, но Козырин пригрозил ему револьвером. Каждую минуту Александр был готов бросить гранату. Кочегар понял и не стал мешать.

Трухин заявил капитану, что катер реквизируется для нужд партизан и просил не поднимать шума. Капитан не возражал. Партизан Ревенко завел мотор, и катер с партизанами помчался в сторону Усть-Камчатска.

У устья реки Камчатки увидели шлюпку, в которой партизаны, посланные вперед, тоже подходили к месту назначения. В шлюпке было трое, двое шли по берегу пешком.

Прибытие в этот район партизан из-под Петропавловска имело решающее значение для мобилизации местных рабочих и охотников на Петропавловский фронт.

5 сентября сформированный в Усть-Камчатске партизанский отряд под командованием Созутова направился вверх по реке Камчатке. Трухин, Козырин и другие вскоре вышли вслед за ними на катере с запасами оружия.

Камчатские партизаны готовились к продолжительной борьбе с белыми. Они не знали еще, что на «мате-

рике» гражданская война и интервенция подходят к концу и достаточно еще одного сильного пинка белым, чтобы вышвырнуть их из Приморья.

В Начиках догнали отряд Созутова, готовый выступить к Петропавловску. Но вскоре выяснилось, что Петропавловск брать не придется. Белые, узнав, что Приморье стало советским, оставили город.

Как вспоминает Александр Иванович, белогвардейские суда некоторое время еще стояли у Авачинского залива. Его в это время назначили военным контролером на Петропавловской радиостанции. По радио было хорошо слышно, как радиостанции белых судов вели между собой переговоры...

После гражданской войны Александр Иванович Козырин уехал во Владивосток, затем — в Москву, где живет до сих пор.

Участвовал в Великой Отечественной войне с 1941 по 1945 гг.; получив тяжелые увечья, вышел в отставку. 25 лет он проработал во флоте. Последнее время работал научным сотрудником Всесоюзного научно-исследовательского института научно-технической информации.

Александр Иванович поддерживает постоянную связь с ветеранами революционной борьбы на Камчатке, с историками.

Красные чудо-богатыри

Гражданская война закончилась. Но на севере Камчатской области еще бродили недобитые белые банды, мешая мирному труду местных жителей.

Главком И. П. Уборевич 22 ноября издал приказ отправить на Камчатку экспедиционный отряд Красной Армии во главе с Михаилом Петровичем Вольским¹, бывшим командующим партизанскими отрядами Приморья. Отряд решили формировать из добровольцев.

---

¹ Вольский М. П. (1897—1938)—член КПСС с 1917 г. На Дальний Восток прибыл в «эшелоне смерти», в мае 1919 г. бежал из белогвардейского плена. В 1919—1920 гг.—командир партизанского отряда в Приморье. В 1920 г.—политический уполномоченный Никольск-Уссурийского военного района. Командир 1-го Дальневосточного кавалерийского полка, военком полка и бригады 1-й Забайкальской кавалерийской дивизии, участвовавшей в ликвидации банды Семенова («читинской пробки»). В 1921—1922 гг.—член Учредительного собрания ДВР, начальник Партизанского военного района в Приморье, затем—командующий партизанскими отрядами Приморской области. В 1923—1925 гг.—председатель Камчатского губревкома. В дальнейшем—один из партийных и советских руководителей Дальневосточного края.

...Экспедицию сформировали в составе 300 человек. Для ее отправки командование 5-й армии выбрало пароход Добровольного флота «Томск», который стали срочно переоборудовать в крейсер.

На «Томске» установили четыре орудия, вывели его в Амурский залив, испробовали орудия. Судно выдержало.

Крейсер переименовали в «Главком Уборевич».

Мореходные качества крейсера были неудовлетворительными. При малейшей зыби он терял скорость до двух узлов, а в шторм почти не слушался руля. Но выбирать не приходилось. Военные суда Сибирской флотилии увел с собой адмирал Старк при бегстве из Владивостока.

«Главком Уборевич» вышел ночью 7 декабря 1922 г. Около суток задержался у острова Аскольд и 8 декабря двинулся на Камчатку через Сангарский пролив².

Сангарский пролив прошли 9 декабря. В Тихом океане заметно посвежело. Дул сильный ветер, временами доходивший до штормового. 10 декабря сила ветра достигла 10 баллов. Температура воздуха колебалась между минусом и плюсом. Дождь сменялся снегом.

С 15 декабря ветер стих, был не более двух—трех баллов. Крейсер шел вдоль восточного побережья Курильских островов.

19 декабря открылись берега Камчатки, но ветер опять усилился до 7 баллов, 20 декабря он достигал уже 9 баллов. Сквозь проливной дождь, сменявшийся снегопадом, при низкой облачности побережье разглядеть было трудно. Крейсер еле двигался, то поднимаясь на волнах, то снова опускаясь в бездну. Океан как бы проверял силу воли людей, решивших добраться до Камчатки, несмотря на закрытие навигации.

21 декабря в 7 часов утра вновь стало видно побережье Камчатки и сопки Поворотную и Вилучинскую. В 16.25 «Главком Уборевич» стал на якорь в Авачинском заливе.

А вскоре руководство экспедиции, члены губревкома были уже на берегу. На другой день высадились крас-

---

² В исторической литературе ошибочно утверждается, что крейсер пошел на Камчатку через пролив Лаперуза.

ноармейцы. Их торжественно встречало население Петропавловска.

В этот же день Камчатский губревком во главе с Савченко и штаб войск Охотско-Камчатского края приступили к работе.

1 января 1923 г. командующий войсками и штаб обратились к красноармейцам:

«Товарищи бойцы, командиры и комиссары!

В первый день Нового, 1923 года каждый из вас должен ясно себе представить все те задачи, которые перед нами поставлены властью Рабоче-Крестьянской России и для разрешения которых мы прибыли в этот отдаленный край нашей трудовой республики.

Если к 5-й годовщине Великой Октябрьской революции ярко-алые победные знамена труда были донесены могучей, стойкой Рабоче-Крестьянской Красной Армией до вод Великого океана, то ныне, в грядущем 1923 г., эти же знамена будут донесены и развеваться у полярной границы Красной Республики...»

Командование пожелало бойцам и командирам успешного решения поставленных перед ними задач.

Обращение подписали командующий войсками М. П. Вольский, начальник штаба Б. К. Рубцов³ и военком В. М. Кручина⁴.

Положение на севере Камчатской области обстояло следующим образом. Белые банды Бочкарева находились в Наяхане — около 60 человек, в Гижиге — около

---

³ Рубцов Б. К. (1889—1952)—член КПСС с 1920 г. Один из руководителей партизанского движения в Приморье. С 1925 г. на советской работе, а с 1936 г. вел научную работу в Институте истории и Институте востоковедения Академии наук СССР. Участник Великой Отечественной войны. Последнее время работал главным редактором журнала «Вопросы истории». (См.: Флеров В. С. Строительство Советской власти и борьба с иностранной экспансией на Камчатке. Томск, 1964, с. 99).

⁴ Кручина В. М. (1890—1924)—член КПСС с 1907 г. Активный участник борьбы за власть Советов в Сибири, видный работник большевистского подполья в Томской губернии в 1918—1919 гг. Арестованный колчаковцами, был в «эшелоне смерти» отправлен на Дальний Восток, но ему удалось бежать. В 1920—1922 гг.—комиссар дивизии, член Военного совета партизанских отрядов Приморья. На Камчатке, будучи военным комиссаром штаба войск Охотско-Камчатского края, одновременно являлся секретарем губбюро РКП(б), редактором газеты «Полярная звезда». (См.: Флеров В. С., Указ. соч., с. 99).

80 человек, у бухты Барон Корф — 12 человек, на Оле — около 10 человек. Кроме того, отдельные небольшие группы белых были разбросаны по необъятной территории севера Камчатки, на Колыме и Чукотке. Около 500 белогвардейцев находилось в районе Охотска и Аяна.

Бочкарев пробовал распространить свою власть и на Камчатку. Центром влияния на полуострове он избрал Тигиль, где имелась надежная телеграфная связь с Петропавловском. Он назначил в этот поселок начальника административно-пропускного пункта. В инструкции начальнику от 26 февраля 1922 г. указывалось, что открытие этого пункта «вызвано необходимостью иметь в означенном месте, населенном и торговом: а) хорошо налаженную систему переотправки войск (курьеры и эшелоны) Северного экспедиционного отряда, б) надзор за населением и проведение в его жизнь законности и порядка, в) наблюдение за торговлей и законной эксплуатацией богатств и промыслов».

Для укрепления своей власти в этом районе Бочкарев послал отряд полковника Алексеева и есаула Савича. Но партизанские отряды, организованные в Тигиле и его окрестностях Павлом Юшиным и Андреем Мухиным, разгромили бочкаревцев.

И если партизанские отряды на юге Камчатки не дали возможности белым распространить свою власть на полуостров из Петропавловска, то юшинцы это сделали на севере. Именем Павла Иосифовича Юшина названа сейчас одна из улиц поселка Тигиль.

В Тигиле я встречался с сыном Павла Иосифовича Юшина Николаем Павловичем. Николай Павлович бережно хранит память об отце. Он помнит, как весной 1922 г. белогвардейцы-бочкаревцы прибыли из Гижиги в Тигиль, арестовали отца. Павел Иосифович хотел из дома отстреливаться от белых, но пожалел детей, сдался. Однако долго под арестом держать Юшина не могли. Жители Тигиля потребовали его освобождения. Не считаться с ними было нельзя, так как почти все они были вооружены.

А Павел Иосифович после освобождения занялся в условиях большой конспирации организацией партизанских отрядов. И не только в Тигиле, но и в соседних селениях: в Ковране — под руководством ительмена Алек-

сандра Притчина, в Утхолоке—под руководством ительмена Прокопия Суздалова.

Летом 1922 г., когда основная часть отряда белых во главе с Алексеевым находилась в Усть-Тигиле, Павел Иосифович Юшин разработал план ликвидации белых. В сентябре белые собрались вернуться в Тигиль. Юшин направил отряды Притчина и Суздалова в устье, а отряду белых, прибывающему в Тигиль, устроил засаду.

В двух километрах от Тигиля, на реке, отряд белых был уничтожен. Остатки его в устье были ликвидированы партизанами Притчина и Суздалова. Лишь есаулу Савичу удалось бежать на стоявшую поблизости американскую шхуну. Находившиеся на ней белые не рискнули высадиться на берег, и шхуна ушла ни с чем. Так в Тигильской волости была восстановлена народно-революционная власть.

— Раньше, чем в Петропавловске,— подчеркивает Н. П. Юшин.— Вот видите, рядом с нами дом стоит,— продолжал он.— В нем до революции и в первые годы Советской власти была телеграфная станция. Здесь работал Рябиков Илларион Васильевич до отъезда в Хайрюзовскую волость.

В начале 1922 г. несколько бочкаревцев во главе с генерал-майором Федоровым поехали в Тигиль для наведения «порядка». Но узнав, что в Тигиле партизанский отряд, направились к бухте Барон Корф.

В селениях восточного побережья Камчатки — Дранке, Ивашке, Уке и других имелось много стойких сторонников Советской власти. Среди них—Гаврилин Иван Петрович, Черемпей Петр Кузьмич, Семкин Павел Федорович. П. К. Черемпей был активным участником партизанского движения в Приморье, сражался с белыми в отрядах Антона Савельевича Топоркова (Олейника). В навигацию 1922 г. он приехал на Камчатку и стал работать на участке рыбопромышленника Фокина.

По свидетельству Черемпея, Иван Петрович Гаврилин, участник первой мировой войны, был членом Коммунистической партии, проводил среди местной молодежи разъяснительную работу о сущности Советской власти. Местные богачи ненавидели Гаврилина, и когда генерал-майор Федоров прибыл в Дранку, услужливо доложили о нем. Бочкаревец выехал в Ивашку, где проживал Гаврилин, и приказал старосте привести комму-

ниста. Ивану Петровичу был устроен допрос. Когда Гаврилин уходил, генерал выстрелил ему в голову. Двери дома были низкие, а Гаврилин высокий. Спасло ему жизнь то, что как раз в момент выстрела он нагнулся, чтобы выйти.

Гаврилин, развернувшись, нанес бочкареву сокрушительный удар в челюсть. Трое молодых ребят, товарищей Гаврилина, находившихся в соседней комнате, помогли ему добить белогвардейца. В найденных при нем документах этот белогвардеец значился как «действительный статский советник, лейб-медик двора его императорского величества Крамник». Бочкарев уполномачивал его разведать положение в северных волостях Камчатки, ликвидировать активных сторонников Советской власти, проверить сбор ясака с местного населения и, если потребуется, провести мобилизацию жителей в контрреволюционные отряды.

По слухам, следом за Федоровым должны были подойти отряды белых. На общих собраниях селений Дранка и Ивашка решили организовать боевую дружину, в которую записалось 35 человек. В Дранке партизан возглавлял Черемпей, в Ивашке — Гаврилин. В случае необходимости дружина могла быть пополнена за счет жителей с. Ука (там отряд организовывал Семкин), охотников, промышлявших в угодьях рек Уки, Хайлюли. В составе боевой дружины были и представители коренного населения — коряки, жители Караги, Кичиги, Тымлата. Центр дружины был в Дранке.

«Соорудили своеобразные блиндажи, доты,— вспоминает Черемпей.— Делали их из снега, заливали водой. Дозоры часовых днем и ночью дежурили на подъездных путях неприятеля. Была налажена эстафетная связь с северными поселками и стойбищами кочевников. И, надо сказать, связь работала хорошо. Нам своевременно сообщали о всех продвижениях белых, в частности о прибытии в Апуку отряда бочкаревых во главе с полковником Шевчунасом, который собирался пройти по нашим селениям».

Прежде чем послать красноармейцев на север Камчатки, штаб войск Охотско-Камчатского края решил составить для себя хотя бы приблизительное представление о положении дел в этом районе области.

2 января 1923 г. штабу удалось связаться с коман-

дующим партизанскими отрядами Тигиля и соседних селений Павлом Юшиным. Вызывал его начальник штаба Борис Рубцов.

Юшин обрисовал положение в районе Тигиля и Паланы, отметив, что сейчас здесь находится отряд партизан общей численностью 68 человек, что в район Караги послана разведка.

Камчатский губревком и штаб связались с Анадырем. Выяснилось, что власть там находится в руках поселкового самоуправления антисоветского толка, коммунистов нет. Нет на месте и бывших членов уездного нарревкома.

Губревком по телеграфу обязал «под страхом смертной казни» чукотского купца Ф. И. Караева стать его уполномоченным в восстановлении советских органов власти и организовать из местного населения заградительные отряды, поставив перед ними задачу помешать бегству белых за границу с награбленным народным добром.

Караев поручение выполнил.

Несколько заградительных отрядов было организовано в Анадырском уезде. Один из них, созданный в поселке Марково, возглавил Георгий Захарович Кибизов, местный житель.

В конце февраля 1923 г. отряд только начал формироваться. В нем было лишь четыре человека, когда получили известие, что из Гижиги подходит к Марково бочкаревский отряд во главе с полковником Шевчунасом. Это была одна из разведывательных групп, которые Бочкарев рассылал на восток и северо-восток для выяснения обстановки.

Не надеясь отстоять Марково от бочкаревых таким малочисленным отрядом, Кибизов стал действовать хитростью. Он убедил находившихся здесь пенжинских торговцев, что из Анадыря подходит отряд в 50 человек, что с Шевчунасом будет жестокая схватка, и заставил их выехать в Пенжино. При этом попросил одного из них передать пенжинскому старосте письмо, в котором писал, что силы марковцев достаточно внушительны, чтобы разбить любой отряд белых.

Торговцы выехали в Пенжино, а при встрече с Шевчунасом один из них, на что и рассчитывал Кибизов, передал письмо полковнику. Шевчунас побоялся ехать в

Марково и повернул в сторону Апуки, надеясь там на ярмарке собрать ясак с чукчей и коряков. Бочкареву же он направил письмо, что с имеющимися силами идти на Марково не решился, и просил прислать в Каменское еще человек двенадцать: по возвращении из Апуки он собирался снова пойти на Марково пограбить местных жителей и расстрелять актив советских работников.

Заместитель уполномоченного губревкома на Чукотке И. Ф. Бурк по радиотелеграфу систематически информировал Петропавловск о положении в его районе, о продвижении белых.

Выяснив обстановку на севере области, Вольский стал готовить к отправке в район Гижиги, Наяхана и бухты Барон Корф красноармейские отряды.

Были сформированы две разведпартии по 10 человек под общим командованием Григория Ивановича Чубарова.

Первой разведпартией руководил сам Чубаров. В нее входили Андрей Чернов (политрук), Филипп Русин, Алексей Макорин, Даниил Высоцкий, Селиверст Веревкин, Иван Зверев, Иван Кондрашев, Денис Никитин, Парамон Козлов. Козлов стал адъютантом Чубарова.

Вторую разведпартию возглавил Василий Зенков. В составе разведпартии были Михаил Гаврилов (политрук), Филипп Сыроежкин, Кузьма Строт, Никифор Казаков, Иван Анашкин, Егор Говняков, Петр Береницын, Никита Кузнецов, Бронислав Сувейзда.

Через месяц штаб сформировал еще команду автоматчиков в 5 человек во главе с Петром Григорьевым.

До недавнего времени мы не знали биографии командира этих отрядов Чубарова. Поисками материалов о нем занялся паланский краевед Роберт Павлович Юшин.

Григорий Иванович Чубаров родился 27 ноября 1898 г. в городе Кузнецке Пензенской области в семье валяльщика валенок.

В 12 лет Гриша Чубаров, закончив три группы церковно-приходской школы, стал работать с отцом, занимаясь потомственным кустарным трудом. 3 февраля 1917 г. его призвали в царскую армию. Он стал рядовым 4-го пулеметного полка, расположенного в Саратове. Затем в составе 29-го Туркестанского полка направлен на Юго-Западный фронт.

Известие о Великой Октябрьской социалистической революции Чубаров встретил на фронте и вместе со своими товарищами радостно приветствовал ее. В январе 1918 г. вернулся с фронта домой. Во время контрреволюционных выступлений он был насильно мобилизован в белую армию, бежал из нее и навсегда связал свою судьбу с Красной Армией, пройдя путь от рядового до командира полка.

В составе 5-й армии Г. И. Чубаров гнал белых по Сибири. В конце 1920 г. его командировали на четырехмесячные курсы комсостава при штабе армии. По окончании их он назначается командиром роты. Участвовал в разгроме белых под Спасском, Владивостоком.

И вот он на Камчатке. Ему дается задание чрезвычайной важности: силами вверенных отрядов вместе с партизанами северных районов Камчатки ликвидировать белые банды Бочкарева.

Маршрут первой разведпартии проходил через селения Завойко (Елизово), Коряки, Начики, Апача, Большерецк, Утка, Кихчик, Коль, Соболево, Облуковино, Хайрюзово, Ковран, Утхолок, Напана, Тигиль и далее через Каменское до Наяхана. Только до Тигиля предстояло проехать на собаках 865 верст.

Вторая разведпартия должна была следовать по долине реки Камчатки через Завойко, Коряки, Начики, Малки, Ганалы, Мильково, Козыревск, Ключи и далее в селения Ука, Ивашка, Дранка, Карага, Тымлат до бухты Барон Корф. Считалось, что от Петропавловска до Барона Корфа 1311 верст.

От бухты Барон Корф необходимо было следовать в Каменское на соединение с первой разведпартией.

18 января 1923 г. красноармейцы выступили в поход. Камчатка сразу же показала им, что с Севером шутки плохи. Уже в Начиках экспедицию захватила, завертела пурга, трое суток пришлось ее пережидать. Из-за отсутствия дорог движение было очень медленным.

В Начиках разведпартии разделились. Каждая направлялась по своему маршруту.

В короткие часы остановок в селениях необходимо было заполнять анкетные листы. В них предлагалось выяснить в каждом населенном пункте количество дворов, численность населения, его возрастной состав, состояние народного образования, наличие коммунистов,

состояние экономики, растительность и животный мир, климат, почвы, обеспеченность водой, способы передвижения, сведения о полезных ископаемых, минеральных источниках, районы кочевья коренных жителей, количество коренного населения, состояние их хозяйства (количество оленей, собак, нарт, охотничьи угодья, кустарные ремесла и т. д.).

Большинство заполненных анкет сохранилось. Они находятся в Центральном государственном архиве Советской Армии СССР в Москве, в фонде штаба войск Охотско-Камчатского края. До сих пор исследователи еще не интересовались ими. А между тем они могут рассказать много интересного о состоянии экономики и культуры Камчатки в первый год после окончательного восстановления Советской власти.

Для примера можно привести одну из таких анкет, заполненную в разведпартии Зенкова при следовании через село Мильково.

«Селение имеет 64 двора, 30 бань, 100 амбаров,— говорится в справке.— Численность населения 450 человек — камчадалы: мужчин 70, женщин 70; нетрудоспособных 20, остальные дети; русских 3.

Грамотных 30 человек, малограмотных 100, школ 2, но функционирует 1; учителей 2, учеников и учениц 64 человека.

Церковь одна; поп один; вероисповедание православное.

Имеется кооператив и волостная аптека. Бывают приезжие скупщики; также скупщиками являются «Гудзон Бей», Сун Ин-тун, Свенсон, Демби, Машихин. Торговля меновая. Главные предметы торговли: продовольствие, мануфактура, порох, патроны, оружие. Иногда ходят иены.

В селении имеются фирмы (отделения) «Гудзон Бей», Демби, Свенсон, Коршунов, Машихин, Миронов.

Поверхность ровная, почва каменистая. Имеется лес, преимущественно береза и ольха. Имеются болота, но небольшие.

Селение стоит на реке Камчатке, река глубокая, ширина до 50 сажен.

Морозы до -40° с ноября до марта. Летом жара доходит до $+35^{\circ}$. Глубина снега 1—1,5 аршина. Снег падает часто, но понемногу. Пурги редки, не сильны и не продолжительны.

Водою селение обеспечено в достаточном количестве, имеется два колодца, питьевая вода хорошая.

Имеется тракт, дорога хорошая. Имеется два хороших моста общей длиной 10 саженьей.

Имеются доступные броды, за небольшими исключениями. Имеется телефонная станция.

Способы передвижения: гужевой на собаках и выучено на лошадях.

В селении собак имеется до 1 000 штук, лошадей 290, нарт 150, седел 100, телег 3, саней 3, батов 150, лыж 100 пар.

Рогатого скота имеется до 100 штук; из них дойных коров 100.

Ископаемых нет.

Жители занимаются рыболовством для удовлетворения личных потребностей. Охотятся на соболя, лису, медведя, выдру, барана.

Летом в хребтах поблизости бывают кочевники (ламуты) с небольшими оленьими табунами, они занимаются [и] охотой.

В селении белых не было. Активных работников нет. Население расположено доброжелательно к Совроссии...»

Пока разведпартии продвигались к месту назначения, штаб войск Охотско-Камчатского края по телеграфу сообщил в Тигиль об их выступлении, продолжая выяснять обстановку на севере, возможность отправки отряда партизан из Тигиля до Гижиги для соприкосновения с противником, не ожидая подхода чубаровцев. Во время переговоров с Тигилем 28 января Павел Юшин ответил, что «банды белых в Гижиге хорошо вооружены Свенсоном и с отрядом в 10 человек задач[у] выполнить] едва ли возможно». Однако штаб настаивал на выполнении приказа командующего об отправке партизан.

29 января начальник оперативной части Журавский уточнил приказ: «В случае нахождения противника в Гижиге с превосходящими силами занятие таковой не обязательно. Вам необходимо найти противника, выяснить его, изолировать, уничтожая связь, идущую к нему и от него, держать противника под неослабным наблюдением, постоянно составляя ему угрозу. Действовать партизанским способом... Предложите Сарафанникову (ко-

мандиру партизанского отряда в Палане — Б. М.) иметь своего человека в Караге, коему по приходе в Карагу начразведпартии т. Зенкова связаться с таковым, принять от него донесения и доставить в Тигиль для передачи вам. В Караге необходимо найти человека для связи с Зенковым по направлению бухта Барон Корф—Карага—Тигиль—Петропавловск, нам...».

Юшин ответил: «Отряд может выступить не ранее 5 февраля, так как нужно хорошо его обмундировать на такой далекий и тяжелый путь, где на сотни верст нет ни кустика...».

30 января он рекомендовал штабу в качестве командира партизанского отряда Андрея Лукьяновича Мухина: «Житель Тигиля из бывшего казачества, 50 лет, способный для разведки, но в делах, как мы все, не был, политически благонадежен и первый зачинщик уничтожения банд в Тигиле. Как и все мы, никаких образовательных и военных цензов не имеет, но только человек со смекалкой».

Штаб утвердил Мухина командиром партизанского отряда, направляемого в Гижигу. Отряд был поистине интернациональным. В него входили четыре камчадала (Пенизин Н. А., Чертовский П. М., Юшин И. И., Косыгин Т. Ф.), три ительмена (Наседкин Н. Г., Федотов Н. С., Наянов А. Ф.), два коряка (Баранников Н. А., Панкарин Н. Я.). В Палане в состав отряда включили камчадала Лонгинова П. В.

Читаешь документы тех лет, воспоминания ветеранов и поражаешься: сколько надо было иметь мужества, самоотверженности молодым бойцам-чубаровцам, чтобы преодолеть на необычном для них транспорте (на собаках), в непривычной обстановке, в условиях сильных морозов и пург, на территории, где поселки расположены один от другого за сотни верст, такое громадное расстояние, когда в пути часто не встретишь ни кустика, чтобы разжечь костер! Даже местные жители, прекрасно знакомые с условиями севера, привычные к ним, и те долго раздумывали, прежде чем решались отправиться в поход.

Разведпартия Чубарова прибыла в Тигиль 10 февраля. 11-го Чубаров по телеграфу связался со штабом. Ответил Журавский:

Здравствуйте! Штаб поздравляет [вас] с благопо-

лучным прибытием в Тигиль и шлет вам и бойцам привет. Для передачи Юшину примите приказ № 4... и инструкцию... Вам необходимо связаться с тов. Мухиным. Через Палану—Карагу свяжитесь с тов. Зенковым, который 8 февраля был в Крестах. Заполняете ли вы анкеты во всех селениях и посылали ли их нам?».

Журавский поинтересовался, как доехали до Тигиля, каково настроение бойцов. Чубаров ответил, что все приказы и инструкции в Тигиле получены, анкетные листы заполнялись и отсылались, что «бойцы чувствуют себя великолепно, население относится хорошо, каюры даются аккуратно, заболеваний никаких в отряде нет».

15 февраля бойцы Чубарова, отдохнув как следует в Тигиле, отправились дальше.

24 февраля прибыли в село Лесновское (Лесное), встретились с партизанами. Продвижение дальше на десять дней было задержано из-за отсутствия корма для собак.

В пути красноармейцы и партизаны постоянно ощущали хорошее отношение коренного населения — коряков и эвенов.

Т. Ф. Косыгин в связи с этим пишет: «Двадцать человек, два десятка винтовок и карабинов... Но нас было в два, пять раз больше.

Оленеводы-пастухи стали нашими добровольными разведчиками и связными. Им-то хорошо было известно все на сотни километров вокруг. Они сообщали отряду новости о передвижении белобандитов. Кочующие оленеводы связали нас с восточным берегом, с отрядом Зенкова.

Оленеводы приезжали в любое время дня и ночи, не считаясь ни с пургой, ни с морозом. Чтобы отряду было легче продвигаться, зажигали в своих юртах костры, которые светили нам, как маяки...»

В Парapolьском долу к отряду красноармейцев вдруг подъехал коряк и что-то взволнованно стал говорить. Понятными были только два слова — варнак, начальник. Переводчик Пантелеймон Васильевич Лонгинов разъяснил, что коряк сообщает о продвижении белогвардейского отряда на двадцати пяти оленьих упряжках.

Это было 18 марта на полпути от реки Никол до села Каменское. Отряд бочкаревцев под командованием капитана Грундульса, состоявший из де-

вяти человек, продвигался в сторону бухты Барон Корф.

Чубаров подал команду «в ружье».

Благодаря предупреждению коряка чубаровцы успели занять выгодные позиции, и белогвардейцы попали в засаду. Бой прошел без единой потери со стороны красноармейцев. Семь бочкаревых было убито, двое взято в плен.

Оставшиеся в живых пленные оказались музыкантами из духового оркестра Бочкарева, насильно увезенные им из Владивостока. Они клялись, что ненавидят Бочкарева, рассказали о положении в Гижиге, о том, что на Марково послан отряд Шевчунаса из восьми человек. Они не знали, что Шевчунас отказался от намерения брать Марково и тоже пошел в сторону Барона Корфа. Потом в Гижиге и Наяхане эти пленные приняли участие в боевых действиях против бочкаревых.

Обстановка стала яснее. К тому же в бочкаревском обозе имелись значительные запасы продовольствия и вооружения, которые были не лишними. Красноармейцы двинулись на Каменское.

В оперативно-разведывательной сводке штаба войск Охотско-Камчатского края № 017 было записано:

«По донесению начразведпартии первой т. Чубарова от 29 марта с. г. он с вверенной ему разведпартией прибыл в село Каменское, продвинулся в село Шестаково. Ожидает прибытия второй разведпартии, чтобы вместе двигаться на Гижигу. В село Каменское прибыла разведка белых из отряда полковника Шевчунаса; один убит, двое благодаря пурге бежали».

18 февраля из Петропавловска по восточному побережью был направлен отряд автоматчиков Григорьева.

В указанной сводке было отмечено: «По донесению начкоманды автоматчиков т. Григорьева от 25 марта с. г., он с вверенной ему командой прибыл в село Укинское 23 марта».

Разведпартия Зенкова прошла это село месяцем раньше, 22 февраля. В Дранку тогда было послано из Уки распоряжение прислать десять нарт «для красных комиссаров».

Черемпей и Гаврилин встретили это распоряжение с недоверием. Им показалось, что это вражеская провокация. В то же время в Дранку прибыло несколько бочкаревых, утверждавших, что следом за ними в село дол-

жен подойти белогвардейский отряд с севера. Дружинники заняли круговую оборону.

Зенков, предвидя, что при приближении его отряда к Дранке могут быть недоразумения, оставил красноармейцев недалеко от поселка и направился в поселок один. Расчет оказался правильным. Вместе с дружинниками Черемпея и Гаврилина он арестовал прибывших в село бочкаревцев. Вскоре подошли и красноармейцы.

Вместе с красноармейцами Черемпей и Гаврилин двинулись на ликвидацию отряда полковника Шевчунаса. «Нас повезли партизаны-коряки,— вспоминает И. П. Гаврилин,— и благодаря им мы ехали смело, не пугаясь незнанием дорог и получая точную информацию от населения о расположении белых».

У бухты Барон Корф захватили в плен трех белобандитов. Шевчунаса подстерегали на перекрестке дорог, ведущих в Каменское, Апукскую ярмарку и Барон Корф, простояли четыре дня. Как вспоминает П. К. Черемпей, не дождавшись Шевчунаса, Зенков решил двигаться в Каменское. «Отъехали от стойбища верст на 20 и вдруг увидели, что позади показалась точка, которая, приближаясь, все более увеличивалась. Стало видно, что это коряк, мчавшийся на оленьих нартах. Он махал малахаем и что-то отчаянно кричал. Наконец, услышали слова: «Варнаки приехали!». Вид его был ужасен.

Оказалось, что в пути олень рогом выбил ему глаз: олени в упряжке были буйные. Но парень продолжал догонять наш отряд, истекая кровью. Ему оказали скорую медицинскую помощь.

Коряк сообщил, что после нашего отъезда у их стойбища показался отряд белых в 6 человек. Это был Шевчунас.

С наступлением темноты бойцы разведотряда двинулись вслед за Шевчунасом. Проводниками были коряки этого стойбища. Проехали километров тридцать. След от собачьих нарт свернул по распадку в речку, левый берег которой был прикрыт увалом. Берега речки покрыты зарослями тальника. Остановились передохнуть и дать передышку оленям.

Проехав еще две версты по берегу речки, мы увидели среди тальников мерцание огня. Спешившись, в боевом порядке двумя цепочками стали подходить к лагерю

белых с подветренной стороны. Чувствуя себя в безопасности, белые не выставили охраны и беспечно спали в палатке.

Открыли по ним огонь. Каюры белых и Артемьев перебежали к нам, а белые стали вести беспорядочную стрельбу. Мы же стреляли прицельно. К рассвету банда была уничтожена.

Командир разведпартии Зенков поздравил бойцов с победой и поблагодарил коряков-оленоводоов за содействие. Отдохнувшие собаки весело помчали нас в сторону Каменского».

Потом уже, после взятия Наяхана, Чубаров телеграфирует штабу: «Доношу. Передовой отряд бочкаревых в числе шести человек под командой полковника Шевчуна уничтожен второй разведпартией в Апукском районе 28 марта; 5 убито и 1 ранен, отправлен в Барон Корф. С нашей стороны потерь не было».

С прибытием второй разведпартии в Каменское отряд партизан возглавил Иван Петрович Гаврилин. Мухин чувствовал себя больным, руководить отрядом больше не мог, стал помощником Гаврилина.

До Гижиги оставалось еще около 700 километров.

Отряды красноармейцев и партизан двинулись в путь. Со стороны Марково к Гижиге 8 апреля вышел отряд Кибизова.

В двенадцати километрах от Гижиги красноармейцы взяли в плен восемь бочкаревых.

10 апреля 1923 г. приблизительно в 11 часов вечера подошли к Гижиге. В поселке было человек пятнадцать солдат. Бросили в казарму несколько гранат. Белые начали отстреливаться. Еще подбросили им гранат. Белые видят: дело плохо — и начали сдаваться.

Ликвидировав белогвардейцев в Гижиге, стали готовиться к походу в Наяхан. Из рассказов пленных и населения было известно, что днем раньше Бочкарев с основной частью своего отряда ушел в сторону Наяхана. Еще до рассвета Чубаров послал туда отряд Зенкова и партизан Наседкина, Федотова и Черемпея. Договорились, что вторая разведпартия подождет остальных бойцов на речке Вархалам.

Зенкову удалось нагнать и захватить нарту белых с винтовками и боеприпасами.

Оставив в Гижиге политрука Чернова с группой пар-

тизан и двух раненых красноармейцев, Чубаров с остальными бойцами и партизанами вскоре нагнал Зенкова. Вместе они прибыли в местечко Гарманда и остановились у жилища местного жителя. Дома находилась лишь старуха. Хозяин был в Наяхане. К вечеру он подъехал и рассказал об обстановке у белых. Сказал, что утром несколько офицеров должны поехать в Гижигу.

Парамон Григорьевич Козлов вспоминает: «Чубаров сразу же распорядился поставить заставу, выделил секрет. Перед рассветом слышим треск: с горки спускается одна упряжка и едет мимо нашего секрета. Мы, как и условились, пропускаем ее без выстрелов. Так же пропустила ее и застава. И уже около избы раздалась команда: «Руки вверх!». Бочкаревец пробовал отстреливаться, но был убит.

Прошло часа два, уже светало. Видим, едет еще две нарты. Офицеры разговаривают между собой. Мы их тоже пропустили к избушке. Вдруг выстрелы. Оказывается, собакам перебежал дорогу заяц, собаки — за ним. Застава, думая, что беляки обнаружили их, открыла огонь. А бочкаревцы все дальше и дальше уходят, уже поднимаются на сопку. Тогда партизан (Наседкин) взял свой винчестер и сказал:

— Ну-ко, робята, дайте я попробую из свово. Что-то вы плохо стреляете.

Прикладывается: хлоп! Покатился один офицер. Хлоп! — второй покатился».

К Наяхану подошли 13 апреля в 3 часа ночи. В районе радиостанции, где расположились белые, было два здания. В здании самой радиостанции находились нижние чины, в другом здании — полковник Бочкарев с офицерами, их жены. Поручив Зенкову первое здание, Чубаров приказал красноармейцам первой разведгруппы окружить здание, занятое Бочкаревым. Дали залп и стали бросать гранаты. Бочкаревцы яростно отстреливались. Лишь утром из бочкаревского дома раздался крик: «Сдаемся ради детей!». Красноармейцы прекратили огонь. На крыльцо вышел корнет Ерохин. Козлов связал ему руки ремнем. Ожидают выхода других офицеров — никто не выходит.

Чубаров снова приказал открыть огонь. И снова крик из дома: «Оставьте ради детей!».

Чубаров ответил:

— Ну, что ж, выходите. Мы же давали вам такую возможность.

Сначала вышли жены офицеров — Ерохина, Полякова, затем Бочкарева с детьми. За ними — офицеры. Бочкаревых окружили. Женщин отправили в поселок.

Второе здание, стоявшее метрах в 250, обстреливалось не так интенсивно. Чубаров приказал гранаты в радиостанцию не бросать, чтобы сохранить ее. Окна радиостанции были занесены снегом. Образовался снежный кювет, который мешал белым стрелять.

Зенков, бойцы которого держали под обстрелом здание радиостанции, предложил Чубарову:

— Товарищ Чубаров, может быть, Бочкарев отдаст распоряжение своим нижним чинам сдать?

Бочкарев услышал этот разговор и торопливо заговорил:

— Да, да, господа, зачем мы тут будем кровь проливать?! Я пошлю туда сотника Григорьева, и он распорядится.

Чубаров отозвал в сторону своего адъютанта и сказал ему:

— Я пойду туда с ним сам. На всякий случай оставлю вас своим заместителем. Если офицеры будут бунтовать, расстреливайте их на месте.

За большим валом снега незаметно для красноармейцев белые сделали вылазку и дали залп по парламентарам. Зенков и Григорьев тут же были убиты. Чубаров скатился в противоположный кювет и из-за сильного огня не мог даже голову поднять. Вот уже убиты политрук М. Гаврилов, красноармеец Н. Кузнецов, ранен красноармеец К. Строт, ранены Сувейзда, Береницын.

Козлов приказал Бочкареву отвести своих офицеров в сторону, за цейхгаузы. Но офицеры бросились назад в помещение. У них там было много оружия и патронов. Бочкарев — за ними. Но красноармейцы успели их всех расстрелять. Прояви они растерянность, и бочкаревцы быстро взяли бы верх.

Одна группа красноармейцев блокировала выход из помещения радиостанции со стороны моря, другая — со стороны Наяхана. Обстрел здания продолжался весь день. Нашлись смельчаки, которые вызвались подползти чуть ли не к самому зданию.

Бой длился до вечера. Решили послать в поселок за женами офицеров. Может быть, им удастся убедить белых прекратить сопротивление. Привезли Ерохину и Полякову. Женщинам предложили подойти к зданию радиостанции.

И тут выяснилось, что, за исключением одного бандита, все уже были убиты, или ранены.

Таким образом, к вечеру 13 апреля 1923 г. бочкаревская банда была ликвидирована.

А к чубаровцам подходили на помощь еще отряды. Через несколько дней прибыл из Марково отряд Г. З. Кибизова, еще спустя некоторое время — отряд Григорьева из Петропавловска. Григорьев был отправлен по Охотскому побережью до Олы. И там была восстановлена Советская власть.

Радость победы над белобандитами омрачалась гибелью товарищей-красноармейцев М. Гаврилова, Н. Кузнецова, К. Строта, В. Зенкова. Погиб ительмен партизан Н. С. Федотов.

Хоронили их у Гижиги. Собралось все население поселка. Политрук А. Д. Чернов обратился к собравшимся с речью:

— Товарищи! Мы хороним сегодня наших дорогих друзей, погибших в бою с озверелой бандой Бочкарева. В течение всей гражданской войны они самоотверженно боролись за Советскую власть, гнали белогвардейцев по всему Дальнему Востоку, дошли до Тихого океана. Они вызвались добровольцами поехать на далекую Камчатку, чтобы помочь ликвидировать здесь остатки белых банд, чтобы окончательно установить здесь Советскую власть.

Мы клянемся вам, наши дорогие товарищи, что навсегда сохраним о вас память и будем достойны вас в работе и борьбе.

Прозвучал троекратный салют.

Погибшим был установлен деревянный обелиск.

Полвека прошло с тех пор, но боевые дела чубаровцев — в благодарной памяти северян. Несколько лет назад на месте первоначального захоронения чубаровцев побывали пионеры, комсомольцы и старожилы Северо-Эвенского района Магаданской области (теперь поселок Гижига на 20 километров ниже по реке, у ее устья). Они взяли прах погибших борцов за власть Со-

ветов. Проезжая через поселок Чайбуха, они организовали митинг, посвященный памяти героев. Одна из улиц Чайбухи после этого была названа именем Чубарова.

Прах красноармейцев был привезен в поселок Эвенск. Он погребен под монументом, изображающим бой в Наяхане: красноармеец, поддерживая раненого товарища, призывает остальных бойцов бить белобандитов.

По пути второй разведпартии — Зенкова прошел отряд красных следопытов Магадана во главе с В. В. Мищенко. По их просьбе горисполком переименовал одну из улиц Магадана в улицу Чубарова.

Улица имени Чубарова есть и в Петропавловске.

Поход по следам экспедиции Чубарова организовал Камчатский обком комсомола. В нем принимал участие сын Чубарова Валентин Григорьевич. 1000 километров по пути чубаровцев прошли на лыжах из Апуки до Наяхана красные следопыты-томичи во главе с сыном партизана-чубаровца Петра Кузьмича Черемпея Иваном Петровичем. В Томске сейчас появилась улица имени героев-чубаровцев.

Григорий Иванович Чубаров после гражданской войны продолжал службу в армии. В 1923 г. он громил в Якутии банду атамана Донского, в 1924 г. — белобандитские банды, орудовавшие на маньчжурской границе. Два года учился в военном училище города Киева, в 1937 г. в звании капитана закончил известные в стране курсы «Выстрел». С первых дней Великой Отечественной войны коммунист Чубаров был на фронте. Умер он 10 июля 1950 г.

Герои-чубаровцы разъехались по всей стране. Но где бы они ни жили, везде показывали образцы добросовестной, самоотверженной работы. Некоторые из них живы и сейчас. Филипп Русин и Филипп Сыроежкин живут в Средней Азии, Тимон Косыгин — в Елизово, Иван Анашкин и Пантелей Лонгинов — в Красноярском крае.

Историки, краеведы, следопыты ведут с ними активную переписку, с их помощью восстанавливают страницы истории борьбы за власть Советов на Северо-Востоке СССР.

СОДЕРЖАНИЕ

Ленин и Северо-Восток

5

Первые коммунисты на Камчатке

15

Уполномоченный ЦК

39

Председатель Совдепа

50

Начальник Чукотки

58

Воспоминания ветерана

68

Из Владивостока к партизанам Камчатки

78

Красные чудо-богатыри

90

ИБ 155

МУХАЧЕВ БОРИС ИВАНОВИЧ

БОРЦЫ ЗА ВЛАСТЬ СОВЕТОВ НА КАМЧАТКЕ

Редактор Е. А. Ильина

Художник А. Н. Турчевский

Технический редактор Л. А. Машинна

ВН02800. Сдано в набор 21/IV-77 г. Подписано в печать 14/VII-77 г. Формат 84×108/32. Вум. тип. № 1, на вкл. бум. офсетная. Усл. п. л. 6,72. Уч.-изд. л. 5,82+0,64 вкл. Тираж 5000 экз. Заказ № 27. Цена 40 коп.

Дальневосточное книжное издательство Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 683602 Петропавловск-Камчатский, Советская, 50.

Камчатская областная типография Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Камчатского облисполкома. 683032 Петропавловск-Камчатский, пр. 50 лет Октября, 28.

М92. Б. И. МУХАЧЕВ. Борцы за власть Советов на Камчатке. Дальневосточное кн. изд., Камчатское отд., 1977. 110 с. с ил. 5000 экз.

М $\frac{0-1-6-4}{M142(03)-77}$ 5-77

Р2